

Рудольф Штейнер
ОКУЛЬТНАЯ ИСТОРИЯ
События и Лица Мировой Истории в Свете Духовной Науки
Шесть лекций, прочитанных в Штутгарте с 27 декабря 1910 г. по 1 января 1911 г.
GA 126

Лекция первая
Штутгарт, 27 декабря 1910 г.

Мои дорогие друзья!

В духовной науке истина и познание делаются тем труднее, чем глубже мы проникаем от общего к отдельным конкретным вещам. Вы уже могли это заметить, когда в отдельных рабочих группах делались попытки говорить об истории подробнее, например, о перевоплощениях великого вождя персидской религии Заратустры, когда говорилось о связи Заратустры с Моисеем, с Гермесом, а также с Иисусом Назареем. Также и по другим случаям уже затрагивались конкретные исторические вопросы. Когда от великих истин о пронизании мира духовным, от великих мировых законов доходишь до духовной природы отдельной индивидуальности, отдельной личности, то от вещей, необычайность которых еще сравнительно легко принимает человеческое сердце, переходишь в области, исполненные этим необычайным. И перед этой пропастью - между частными и общими истинами - недостаточно подготовленных людей настаивает обыкновенно недоверие.

Так вот, в этих лекциях, посвященных оккультной истории, где речь будет идти об исторических фактах и исторических лицах в свете духовной науки, в лекциях, к которым сегодняшняя лекция должна служить своего рода введением, я должен буду сказать вам много необычного. Вы услышите много своеобразного, так что придется рассчитывать на вашу добрую волю, ту добрую волю, которая проработана всем тем из духовнонаучных познаний, что в ходе лет прошло через ваши души. Ибо ведь это и есть самый прекрасный, самый значительный плод спиритуального мировоззрения, потому что как бы сложно, как бы детально ни было разработано знание, которое мы приобретаем, в конце концов мы все-таки имеем перед собою не сумму догм, но в нас самих, в наших сердцах, в наших душах мы обладаем через этот духовнонаучный подход тем, что поднимает нас над той точкой зрения, которую мы можем приобрести каким бы то ни было другим рассмотрением мира. Не догмы, не наставления, не голое знание получаем мы, но через наше познание мы становимся другими людьми. В известном отношении, для таких разделов духовной науки, как те, которые мы теперь будем рассматривать, нужно душевное понимание, не интеллектуальное, но душевное понимание, которое, вероятно, во многих местах должно быть склонно выслушивать и принимать намеки, которые стали бы грубыми, если очерчивать их слишком резкими контурами. Я хотел бы вызвать у вас, мои дорогие друзья, представление, что во всем историческом процессе развития человечества, на протяжении всех тысячелетий, вплоть до наших дней, позади всего человеческого развития и человеческой деятельности стоят в качестве руководителей, в качестве водителей духовные существа, духовные индивидуальности и что в отношении величайших, важнейших фактов исторического процесса тот или другой человек со всей его душой, со всем его существом является подобным орудием стоящих позади него планомерно действующих индивидуальностей. Но если мы хотим понять удивительные и таинственные связи между более ранним и более поздним в историческом развитии, мы должны усвоить целый ряд понятий, которых не имеешь в обыденной жизни.

Если вы вспомните о том многом, что говорилось в эти годы, то в вашей душе может возникнуть представление, что в древние времена и даже еще во времена послеатлантического культурного развития, - если только мы вернемся на несколько тысячелетий назад во времена, предшествующие нашему, называемому обыкновенно историческим, времени, - люди имели более или менее аномальные ясновидческие состояния; что между тем, что сегодня мы называем трезвым, ограниченным только физическим миром бодрствованием, и бессознательным состоянием сна с его сомнительным царством сновидений находилась область сознания, через которую человек погружался в духовную, спиритуальную реальность. И то, что учеными господами, которые выдумывают столько мифов и легенд в науке, изображается теперь как народная поэтическая фантазия, в действительности, мы знаем, сводится к древнему ясновидению, к ясновидческим состояниям человеческой души, которая в те времена видела происходящее позади физического бытия и выразила так увиденное в образах мифов, а также сказок и легенд. Так что действительно, когда мы имеем перед собой древние, причем подлинно древние мифы, сказки и сказания, мы можем найти в них больше знания, мудрости и правды, чем в нашей нынешней абстрактной учености и науке.

Таким образом, когда мы обращаем наш взор к очень древним временам, мы обращаем его, так сказать, на человека ясновидящего. И мы знаем, как это ясновидение убывает все более и более у различных народов в разные времена. Сегодня, в лекции на праздновании Рождества¹, я даже обращал внимание на то, что в Европе сравнительно еще очень поздно существовали в самом широком диапазоне остатки древнего ясновидения. Угасание ясновидения и появление сознания, ограниченного только физическим планом, совершается у различных народов в разные времена.

Вы можете теперь представить себе, что в культурные эпохи, следовавшие за великой атлантической катастрофой, - в древнеиндийской, древне-персидской, египетско-халдейской, греко-латинской и в нашей

культурной эпохе, - люди самым различным образом должны были действовать на арене мировой истории, так как они различным образом были связаны с духовным миром. Когда мы возвращаемся к персидской, и даже еще к египетско-халдейской эпохе, тогда то, что человек чувствовал, переживал в своей душе, достигало, так сказать, духовных миров, и духовные силы работали в его душе. То, что было тогда живой связью человеческой души с духовными мирами, прекращается, по существу, лишь в четвертом, греко-латинском периоде и совершенно пропадает только в наше время. Для внешней истории в наше время оно существует только там, где средствами, сегодня доступными человеку, сознательно ищется опять связь между тем, что живет в человеческой душе, и духовными и спиритуальными мирами. Итак, в древние времена, когда человек взирал в свою душу, эта душа таила в себе не только то, чему она научилась от физического мира, что она передумала по поводу вещей физического мира, но в ней жило непосредственно то, что мы описывали, например, как возвышающиеся над человеком в духовных мирах духовные иерархии. Это действовало через орудие человеческой души вниз на физический план, и люди знали, что они связаны с индивидуальностями этих высших иерархий. Когда мы обращаемся назад, хотя бы еще к египетско-халдейской эпохе, - конечно, мы должны брать здесь более древние периоды, - то мы видим там людей, являющихся историческими лицами, но мы не понимаем их, если считаем их историческими лицами в современном смысле слова.

Когда мы говорим сегодня об исторических лицах, мы, будучи людьми материалистической эпохи, убеждены в том, что тут в ходе истории действуют только импульсы и намерения данных лиц. В сущности, так еще мы можем понимать людей только трех последних тысячелетий, то есть, пожалуй, еще людей того тысячелетия, которое заканчивается рождением Христа Иисуса, и затем людей первого и второго христианского тысячелетий, в котором мы и находимся сами. Платон, Сократ, может быть также Фалес и Перикл, - это люди, которых можно еще, пожалуй, понимать как похожих на нас. Но если идти дальше назад, то эта возможность понимать людей прекращается, если понимать их только по аналогии с людьми настоящего времени. Так нельзя понимать уже, скажем, египетского Гермеса, великого учителя египетской культуры, нельзя понимать Заратустру и никогда - Моисея. Когда мы выходим за пределы тысячелетия, предшествующего христианскому летоисчислению, то мы должны уже считаться с тем, что повсюду, где мы имеем дело с историческими личностями, позади них стоят более высокие индивидуальности, более высокие иерархии; человеческие личности как бы одержимы ими, конечно, в лучшем смысле слова. И тут открывается своеобразное явление, без знания которого мы не можем понять ход исторического развития.

Мы различаем до нашего времени пять эпох. Мы имеем индийскую - первую послеатлантическую культурную эпоху, простирающуюся далеко вглубь тысячелетий; мы имеем вторую - древнеперсидскую, третью - египетско-халдейскую, четвертую - греко-латинскую и пятую - нашу собственную эпоху. Уже, идя назад от характера греко-латинской эпохи к египетскому, мы должны изменить подход к истории, так что вместо чисто человеческого подхода, который, пожалуй, может еще нам служить по отношению к фигурам греческого мира вплоть до героической эпохи², мы должны применить другой масштаб; позади отдельных личностей мы начнем искать духовные силы, которые представляют собой сверхличное и которые действуют через личности людей как через свои орудия. На эти духовные индивидуальности должны мы при этом направить взгляд нашей души, так что, действительно, мы можем видеть человека, который стоит на физическом плане, а позади него действует существо из высших иерархий, которое как бы сзади держит этого человека и ставит его на место, на котором он должен стоять в развитии человечества.

С этой точки зрения достаточно интересно уже выяснить соотношения между действительно важными событиями, исторически определяющими событиями египетско-халдейской и греко-латинской эпох. Эти две культурные эпохи следуют одна за другой, и мы пойдем сначала, скажем, до 2800, 3200, 3500 годов до нашего летоисчисления, что сравнительно совсем не так и далеко. Тем не менее, - это обнаруживает теперь уже и старая история, - мы не понимаем, что тогда происходило; мы поймем это, только если увидим позади исторических лиц более высокие индивидуальности. Но затем оказывается, что в четвертом, в греко-латинском периоде, мы имеем как бы повторение всех тех важных вещей, которые происходили в третьем периоде. Это похоже на то, как если бы то, что объяснимо высшими законами для предшествующего периода, становится объяснимым законами физического мира для последующего; как если бы оно опустилось на одну ступень, ниже огрубело, стало более физическим - перед нами обнаруживается род отражения в физическом мире великих событий предшествовавших периодов. Я хочу дать сегодня введение и потому укажу, как в одном значительном мифе дан нам один из самых важных фактов египетско-халдейской эпохи и как затем это событие отражается в греко-латинской эпохе, но ступенью ниже. Я хочу сопоставить два параллельных факта, которые принадлежат друг другу в оккультном отношении; один из них как бы на половину плана выше, другой стоит вполне на физической земле, но подобно своего рода ставшей физической тени духовного события более ранней эпохи. Такие события, позади которых стоят силы высших иерархий, человечество внешне всегда могло выразить только посредством мифов. Но мы увидим, что именно находится позади мифа, который описывает нам как наиболее важное событие то, что выступает из халдейской эпохи. Остановимся только на главных чертах мифа.

Миф этот гласит следующее. Некогда был великий царь по имени *Гильгамеш*. Уже тот, кто может судить о таких именах, по имени поймет³, что мы имеем дело не просто с царем на физическом плане, но со стоящим позади него божеством, со стоящей позади него духовной индивидуальностью, которой был одержим царь

города Эрека и которая действовала через него. Так что мы имеем дело с тем, что мы в реальном смысле должны назвать бого-человеком. Нам рассказывается, что он притесняет город Эрек⁴. Город Эрек обращается к своему божеству Аруру, и это божество создает помощника. Из земли вырастает этот герой. Таковы, значит, образы этого мифа; мы увидим, какие глубины исторических событий находятся позади этого мифа. Божество дает возникнуть из земли *Эбани*, своего рода человеческого существу, которое по отношению к Гильгамешу выглядит низшим, ибо рассказывается, что у него была звериная шкура, что он был покрыт волосами, что он был как дикий; однако в его дикости жила боговдохновенность, древнее ясновидение, яснознание, древнее ясновидческое сознание.

*Эбани*⁵ знакомится с женщиной из Эрека и вследствие этого попадает в город. Он становится другом Гильгамеша, и благодаря этому мир наступает в городе. И вот, Гильгамеш и *Эбани* правят вместе. Тут один из соседних городов похищает из города *Эбани* и Гильгамеша богиню города Иштар. Тогда они оба предпринимают поход против города-похитителя. Они побеждают его царя и возвращают назад богиню города. И вот, богиня опять вступает в Эрек. Гильгамеш живет напротив нее, и тут перед нами встает нечто удивительное: Гильгамеш не понимает своеобразной природы богини города. Разыгрывается сцена, которая непосредственно напоминает одну библейскую сцену из Евангелия от Иоанна (*Ин. 8: 3-11*). Гильгамеш стоит перед Иштар. Он держится, конечно, иначе, чем Христос Иисус. Он упрекает богиню города в том, что она прежде, чем предстать перед ним, любила многих мужей. Он упрекает ее особенно в знакомстве с последним из них. В ответ на это Иштар обращается с жалобой на него к тому божеству, к той сущности высших иерархий, с которой как раз связана она, богиня города. Она идет к Ану. И Ану посылает на землю быка, с этим быком должен сразиться Гильгамеш. Кто вспомнит борющегося с быком Митру, тот обнаружит отзвук этой борьбы в том, что Гильгамеш должен побороть быка, ниспосланного Ану.

Все эти события, - и мы увидим, когда будем объяснять миф, какие глубины в них таятся, - привели к тому, что *Эбани* тем временем умер. Гильгамеш теперь один. Ему в голову приходит мысль, которая страшно терзает его душу. Под впечатлением от того, что он пережил, до него только теперь доходит мысль, что ведь человек... смертен. Мысль, на которую он раньше не обращал внимания, встает во всем ее ужасе перед его душой. И тут он слышит о единственном земном человеке, который остался бессмертным, тогда как все остальные люди послеатлантической эпохи дошли до сознания своей смертности. Он слышит о бессмертном *Ксисуфре*, который живет далеко на Западе. И вот, чтобы проникнуть в загадку жизни и смерти, он держит трудный путь на Запад.

Уже теперь я могу сказать, что этот путь на Запад есть не что иное, как странствие за тайнами древней Атлантиды, за знанием тех событий, которые лежат до великой атлантической катастрофы. Туда направляет Гильгамеш свой путь. Очень интересно то, что он должен миновать врата, которые охраняются громадными скорпионами, что дух вводит его в царство смерти, что он вступает в царство *Ксисуфра* и в этом царстве *Ксисуфра* он узнает, что все люди должны все больше проникаться сознанием смертности в послеатлантическую эпоху.

Тогда он спрашивает *Ксисуфра*, откуда же тот имеет знание о своей вечной основе, почему он проникнут сознанием бессмертия? Тогда *Ксисуфр*⁶ говорит ему: "Ты можешь тоже стать таким, но тогда ты должен пережить вслед за мной все, что я пережил путем преодоления страха, ужаса и одиночества, через которые должен был пройти я. Когда бог *Эа* решил дать погибнуть, - в том, что мы называем атлантической катастрофой, - всему тому в человечестве, что не должно было жить далее, он велел мне удалиться на своего рода корабль. С собой должен был взять я животных, которые должны были остаться, и те индивидуальности, которые поистине называются Учителями. На этом корабле переждал я великую катастрофу". Так говорил *Ксисуфр* Гильгамешу: "То, что было испытано тогда, это ты можешь пережить только внутренне. Но достигнуть сознания бессмертия этим ты можешь, если не будешь спать семь ночей и шесть дней".

Гильгамеш хочет подвергнуть себя этому испытанию, но засыпает очень скоро. Тогда жена *Ксисуфра* печет семь мистических хлебов, которые, через принятие их, должны заменить то, что должно было быть завоевано в семь ночей и шесть дней. И вот, с этим своего рода эликсиром жизни, Гильгамеш направляется дальше. Он проходит через нечто вроде погружения в колодезь молодости и опять достигает берегов своей родины, которая лежит возле Евфрата и Тигра. Тут змей похищает у него силу эликсира жизни, и он вновь без эликсира жизни прибывает в свою страну, но все-таки с сознанием, что существует бессмертие, и полный тоски видеть хотя бы дух *Эбани*. Тот действительно является ему, и из разговора, который тогда происходит, мы узнаем, каким способом могло возникать сознание связи с духовным миром для культуры египетско-халдейской эпохи. Весьма важны эти отношения Гильгамеша и *Эбани*.

Итак, я поставил перед вами образы мифа, значительного мифа о Гильгамеше, мифа, который, как мы увидим, поведет нас в духовные глубины, что находятся позади халдейско-вавилонского культурного периода. Я хотел привести вам эти образы, которые покажут, что здесь находятся две индивидуальности: одна индивидуальность, в которую вступает божественно-духовная сущность, - это Гильгамеш; другая - более человек, но при этом такая, что мы назвали бы ее молодой душой, которая прошла еще мало инкарнаций и потому еще вносит древнее ясновидение в более позднее время, - это *Эбани*.

Внешне *Эбани* изображен одетым в звериные шкуры. Этим указывается нам на его дикость, но как раз благодаря этой дикости он, с одной стороны, одарен еще древним ясновидением, а, с другой стороны, он -

молодая душа, которая прошла гораздо меньше инкарнаций, чем другие, стоящие на вершине развития души. Таким образом, Гильгамеш представляет нам собой сущность, которая созрела для посвящения, которая только не могла достичь этого посвящения, так как путь на Запад и есть путь к посвящению, которое не было доведено до конца. Мы видим, с одной стороны, в Гильгамеше настоящего основателя халдейско-вавилонской культуры и действующую позади него божественную духовную сущность, разновидность духа Огня, и затем рядом с ним другую индивидуальность, молодую душу, Эбани, индивидуальность, которая лишь поздно спустилась к земному воплощению. (Если вы заглянете в "Очерк тайноведения", то увидите, что индивидуальности лишь постепенно спустились с планет). От обмена тем, что знают эти двое, зависит вавилонско-халдейская культура, и мы увидим, что вся вавилонско-халдейская культура есть производное того, что идет от Гильгамеша и Эбани. В халдейско-вавилонскую культуру включаются ясновидение бого-человека Гильгамеша⁷ и ясновидение молодой души Эбани. Этот процесс, в котором двое, необходимые друг другу, действуют рядом, отражается в более позднем, четвертом культурном периоде, в греко-латинском, причем на физическом плане. Полного понимания такого отражения мы достигаем, правда, лишь постепенно. Таким образом, более духовный процесс отражается на физическом плане, когда человечество спустилось очень глубоко вниз, когда оно уже не чувствовало более сопринадлежности человеческой личности и духовно-божественного мира.

Эти тайны божественно-духовного мира охранялись в центрах мистерий. Так, например, многие из древних святых тайн, которые возвещали о связи человеческой души с божественно-духовными мирами, сохранялись в мистериях Дианы Эфесской и в эфесском храме. Там было много такого, что было более уже не понятно эпохе, которая обратилась к человеческой личности. И как знамение непонимания чисто внешней личностью всего того, что оставалось духовным, стоит перед нами наполовину мифическая фигура Герострата⁸, который видит лишь самое внешнее в личности; Герострата, который бросает в храм святилища эфесского зажженный факел. Столкновение личности с тем, что осталось от древних духовных времен, знаменует нам этот поступок. И в тот же самый день, когда человек лишь для того, чтобы передать свое имя потомству, бросает факел в храм святилища Эфеса, в тот же самый день рождается человек, который на той же самой земле, на которой должна быть преодолена чисто личностная культура, сделал наибольшее для культуры, основанной на личности. Герострат бросает факел в тот же день, когда рождается *Александр Великий*, человек, который целиком личность⁹. Так встает перед нами Александр Великий как тень Гильгамеша. Позади этого таится глубокая истина. Как тень Гильгамеша стоит Александр Великий в четвертом, греко-латинском периоде, как проекция духовного на физический план. И Эбани, спроецированный на физический план, это *Аристотель*, учитель Александра Великого!

Как бы это ни было удивительно, Александр и Аристотель стоят рядом, подобно Гильгамешу и Эбани. И мы видим, как Александр Великий переносит то, что было дано Гильгамешом халдейско-вавилонской культуре, в первую 'треть четвертого послееатлантического периода, но только переведенное в законы физического плана. Как последствие деяний Александра Великого, это чудесным образом выражается в том, что на том месте, где находилась арена египетско-халдейской культуры, основывается Александрия, чтобы быть помещенной, как в центре, как раз там, где так мощно был представлен третий, египетско-вавилонско-халдейский период. И все должно было встречаться в этом александрийском центре культуры. Там, действительно, постепенно сошлись все культурные течения послееатлантической эпохи, которые должны были встретиться. Они, как в центре, встретились именно в Александрии, на том месте, которое было установлено на арене третьего культурного периода, но имеет характер четвертого периода. Александрия пережила возникновение христианства. Да и самые важные для четвертого культурного периода вещи развились в Александрии уже тогда, когда христианство уже было. Там действовали великие ученые, там сливались прежде всего три наиболее существенные культурные течения: древнее языческо-греческое, христианское и моисеево-еврейское. Они были в Александрии вместе, они действовали там одно в другом.

И немислимо было бы, чтобы культура Александрии, построенная целиком на личности, могла быть введена в действие иначе, чем существом, охваченным личным началом, каким был Александр Великий. Ибо как раз через Александрию, через этот культурный центр все то, что было раньше сверхличным, что раньше повсюду вздымалось от человеческой личности в высшие духовные миры, приняло личный характер. Личности, которые находятся тут перед нами, имеют, так сказать, все в себе; отныне мы уже очень мало видим силы, которые из высших иерархий направляют их и ставят их на их место. Все различные мудрецы и философы, действовавшие в Александрии, являют древнюю мудрость, всецело перенесенную в человечески-личное; из них всюду гласит личное. В этом особенность: все, что в древнем язычестве было объяснимо только благодаря тому, что всегда указывалось, как боги спускались вниз и соединялись с дочерьми человеческими, чтобы породить героев, в Александрии переводится в личную активность человека. Какие формы приняло в Александрии иудейство, культура Моисея, мы можем видеть из того, что показывает нам как раз эпоха, когда христианство уже существовало. Нет уже ничего из тех глубоких постижений связи мира людей с духовным миром, как это все-таки было во времена пророков, как это еще можно найти даже в двух последних столетиях до начала нашего летоисчисления. В иудействе все тоже стало личным. Это все основательные люди с необычайной силой проникновения в тайны древних тайноучений, но - все стало личным, в Александрии действуют личности. И христианство выступает в Александрии сначала, можно сказать, как будто на искаженной детской ступени.

Христианство, призванное к тому, чтобы вести личное в человеке все выше к сверхличному, выступило особенно сильно как раз в Александрии. Именно христиане действовали так, что у нас часто возникает впечатление: в их поступках мы имеем предвестие позднейших епископов и архиепископов, действовавших чисто лично. Так действовал в четвертом столетии архиепископ *Феофил*, так действовал его преемник и родственник, святой *Кирилл*. Мы можем судить о них, так сказать, лишь по их человеческим слабостям. Христианство, которое должно дать человечеству самое великое, являет себя сперва в своих величайших слабостях и со своей личностной стороны. А в Александрии должно было быть дано знамение всему развитию человечества.

Здесь мы имеем опять такую проекцию на внешний физический план прежнего, более духовного. В древних орфических мистериях была одна удивительная личность, она прошла через тайны этих мистерий; она принадлежала к самым привлекательным, к самым интересным ученикам древних греческих орфических мистерий. Она была хорошо подготовлена благодаря определенному кельтскому тайноведческому обучению, пройденному ею в более ранних воплощениях. С глубоким подвижничеством искала эта индивидуальность тайн орфических мистерий. Ученики орфических тайн собственной душой должны были пережить то, что содержится в мифе о Дионисе Загрее, который был разорван на части титанами, но тело которого Зевс возвел к высшей жизни. Как индивидуальное человеческое переживание должно было быть пережито орфиками то, как человек, проходя определенный мистериальный путь, так сказать, изживает себя во внешнем мире, всем своим существом разрывается на части, перестает находить самого себя в себе.

В то время как обычное познание животных, растений и минералов есть лишь отвлеченное познание, так как мы остаемся вне их, тот, кто хочет достигнуть действительного познания в оккультном смысле, должен упражняться в том, чтобы быть как будто внутри животных, растений, минералов, воздуха и воды, источников и гор, камней и звезд, других людей, как будто он составляет единое с ними. И тем не менее он как орфик должен развить в себе крепкую внутреннюю душевную силу, чтобы, будучи вновь восстановлен как замкнутая в себе индивидуальность, восторжествовать над раздробленностью внешнего мира.

Если то, на что я вам только что указал, становилось человеческим переживанием, оно относилось определенным образом к высочайшему, что можно было пережить как тайны посвящения. И многие ученики орфических мистерий прошли через такие переживания, пережили таким образом свое растерзание в мире и этим прошли через высочайшее, что в дохристианские времена могло быть пережито как своего рода подготовка к христианству.

К ученикам орфических мистерий принадлежит среди других и та привлекательная личность, внешнее имя которой не дошло до потомков, но которая явственно обнаруживается в качестве ученика орфических мистерий и на которую я теперь указываю. Уже юношей и затем много лет подряд эта личность была тесно связана со всем греческим орфеумом; она действовала в то время, которое предшествовало возникновению греческой философии и которое уже не отмечается в книгах по истории философии. Ибо то, что отмечено именами Фалеса и Гераклита, есть отзвук того, что делали раньше на свой лад ученики мистерий. К этим ученикам мистерий принадлежит тот, о ком я говорю сейчас как об ученике орфических мистерий, который потом опять-таки имел своим учеником *Ферекида из Сироса*¹⁰, на которого указано было несколько лет назад в мюнхенском цикле лекций "Восток в свете Запада".

И вот, смотрите, индивидуальность, которая была в том ученике орфических мистерий, мы находим при исследовании в Хронике Акаши вновь воплощенной в четвертом столетии христианского летоисчисления. Мы находим ее в ее новой инкарнации, поставленной в круг жизни Александрии, причем орфические тайны перенесены в личные переживания, разумеется, высшего порядка. Примечательно, как все это при новой инкарнации было переведено в личные переживания. Мы видим эту индивидуальность родившейся вновь в конце четвертого столетия христианской эры в качестве дочери великого математика Теона. Мы видим, как в ее душе оживает все то, что можно было пережить из орфических мистерий при созерцании великих математических, ясных мировых соотношений. Теперь все это было личным талантом, личной способностью. Теперь даже эта индивидуальность нуждалась в отце-математике, чтобы иметь нечто унаследованное; настолько личными должны были быть эти способности.

Так взираем мы назад на те времена, когда человек еще был связан с духовными мирами, как было у этого орфика, так видим мы его теневой образ среди тех, которые учили в Александрии на рубеже четвертого и пятого веков. Эта индивидуальность не восприняла еще ничего из того, что, можно сказать, позволяло людям не замечать теневых сторон начала христианства; ибо еще слишком велико было в этой душе все то, что было отзвуком орфических мистерий, слишком велико, чтобы она могла быть озарена тем иным светом, что исходит от События Христа. То, что выступало вокруг как христианство, например, в Феофиле или Кирилле, было поистине таково, что эта индивидуальность орфика, которая приняла теперь личный характер, могла сказать и дать более великое и более мудрое, чем те, которые представляли собой христианство в Александрии в то время. Глубочайшей ненавистью были полны как Феофил, так и Кирилл против всего того, что не было церковно-христианским в узком смысле, в понимании как раз обоих этих архиепископов. Христианство приняло совсем личный характер, такой личный характер, что эти два архиепископа набрали себе личных наемников. Повсюду набирались люди, которые должны были составлять, так сказать, охрану архиепископов. Власть в личном смысле была важна для них. Ими двигала ненависть ко всему тому, что шло из древних времен и что было все-таки

много выше являющегося в искаженном облике нового. Глубочайшая ненависть - особенно против индивидуальности вновь родившегося орфика - жила в носителях высокого христианского сана в Александрии. И потому нам не надо удивляться, что индивидуальность вновь воплощенного орфика была оклеветана в приверженности к черной магии. Этого было достаточно, чтобы чернь, на вербованную в охрану, возбудить против высокой, единственной личности вновь воплощенного ученика Орфея. Она была еще юная, но несмотря на ее молодость, несмотря на то, что она должна была пройти через то, что и в те времена в ходе долгого учения представляло для женщины большие трудности, она поднялась к тому свету, который был выше всей мудрости, всего познания того времени.

Удивительно, как в залах, где учила *Гипатия*, - ибо так звали вновь воплощенного орфика, - как там в Александрии на восторженных слушателей сходила самая чистая, самая светлая мудрость. Она повергала к ее ногам не только старых язычников, но и таких проникновенных, глубоких христиан, как *Синезий*. Она имела большое влияние в Александрии, и в Гипатии можно было пережить перенесенное в личность возрождение древней языческой мудрости Орфея.

И поистине символически действовала мировая карма. То, что составляло тайну ее посвящения, было действительно проецировано, как тень, на физический план. Этим мы затрагиваем событие, которое действовало символически и было важно для многого, что совершается в исторические времена. Мы затрагиваем одно тех событий, которые только внешне являются мученической смертью; они представляют символ, в котором высказываются духовные силы и значения. Ярость тех, которые окружали архиепископа Александрии, обрушилась на Гипатию в мартовские дни 415 года. Решили избавиться от ее власти, от ее духовной власти. Самые невежественные, дикие орды из окрестностей Александрии были натравлены - и обманом захватили эту мудрую девушку. Она садилась в повозку, и по данному знаку, натравленные люди набросились на нее, сорвали с нее одежды, поволокли в церковь и буквально содрали мясо с костей. Они растерзали, разорвали ее, и совершенно лишенная человеческого облика кровожадная толпа протащила по городу части ее тела. Такова судьба великого философа Гипатии.

Этим, можно сказать, символически указано на нечто, глубоко связанное с основанием Александрии Александром Великим, хотя произошло это лишь много времени спустя после основания Александрии. В этом событии отражены важные тайны четвертого послееатлантического периода, который заключал в себе столько великого, столько значительного и который также то, что он должен был явить как упразднение старого, как сметание с лица земли старого, выставил перед миром таким парадоксально величественным образом в столь значительном символе, как заклание, - иначе не скажешь, - самой выдающейся женщины рубежа четвертого и пятого веков, Гипатии.

Лекция вторая *Штутгарт, 28 декабря 1910 г.*

Мои дорогие друзья!

Вчера во вводном порядке наше внимание было обращено на то, что правильно понять некоторые более древние события в истории человечества мы можем, если будем смотреть не на одни только силы и способности самих личностей, но допустим, что через соответствующие личности, как бы посредством орудий, действуют существа, которые, так сказать, устремляют в наш мир свои действия из высших миров. Мы должны представлять себе, что эти существа не могут воздействовать непосредственно на наши физические процессы, на факты нашей физической действительности, так как на современной ступени своего развития они не могут воплотиться в физическом теле, которое берет свои составные элементы из нашего физического мира. Поэтому, если они хотят действовать в нашем физическом мире, они должны пользоваться физическим человеком, его руками, но также и его рассудком, и его способностью понимания. Чем дальше мы пойдем назад во времена человеческого развития, тем отчетливее выраженным найдем мы влияние и воздействие таких существ высших миров. Но нельзя думать, что это устремление сил и воздействий из высших миров через людей в физический мир прекращалось когда-либо, включая наше время.

Для того, кто знаком с духовной наукой, кто, как это мы могли делать вот уже столько лет, принял в себя то, что ведет наше ощущение и представление к признанию высших миров, для него ведь такой факт, как только что указанный, будет, конечно, сразу понятен, потому что он привык постоянно протягивать связующие нити между нашим познанием, нашим мышлением, нашей волей и существами высших иерархий. Но сторонник духовной науки попадает ведь иногда в положение, когда он должен защищаться от материалистических представлений, раз уж они существуют в наше время, от представлений, которые людей, стоящих в стороне от духовного развития, лишают возможности сколько-нибудь вникнуть в то, что должно быть сказано о воздействии высших миров на наш физический мир.

В наше время, в сущности, к устарелым взглядам относится и то, когда говорят о господстве хотя бы абстрактных идей в человеческих событиях, в истории. Для многих людей совершенно недопустимо перед лицом настоящей научности говорить, что известные идеи, абстрактные идеи, которые, собственно, могут жить ведь только в нашем рассудке, что они выявляются в следующих одна за другой исторических эпохах. Последний отблеск, так сказать, веры в такие абстрактные идеи, - относительно которых, конечно, нельзя понять, как они могут действовать, раз это только абстрактные идеи, - но меньшей мере, последний отблеск веры в такие

абстрактные идеи в XIX веке содержали в себе еще исторические труды *Ранке*. Но и эта вера в движущие идеи истории постепенно будет выброшена за борт нашим нарастающим материалистическим развитием, и ныне, даже по отношению к истории, считается признаком ясной головы, когда считают, что все, характеризующее эпохи, выступающее в эпохах, возникает, в сущности, лишь благодаря стечению физически зримых внешних действий, внешних потребностей, внешних интересов и даже идей физических людей. Ныне прошло то время, когда как бы через инспирацию такие умы, как, например, *Гердер*, изображали развитие истории человечества так, что всюду видно: здесь в основе лежит по меньшей мере предположение живых сил, живых сверхчувственных сил, которые выявляются через деяния людей, через жизнь людей. А тот, кто сегодня хочет быть умным, скажет: правда, у такого человека, как *Лессинг*¹², было много разумных идей, но затем, в конце своей жизни, он пришел к тому вздору, как тот, который он написал в своем "Воспитании человеческого рода", где он не знал, чем себе помочь иначе, как связав строгую закономерность в ходе исторического развития с идеей перевоплощения. В последних положениях "Воспитания человеческого рода" Лессинг, действительно, выразил то, что описывает, исходя из оккультных фактов, духовная наука; а именно то, что души, жившие в древние времена, воспринявшие тогда живые действенные силы, переносят эти силы в свои новые воплощения, так что существует не абстрактное, только идейное непрерывное течение, но подлинное, реальное непрерывное течение духа позади материального процесса. Как уже сказано, умный человек скажет: в старости он [Лессинг] дошел еще до таких путаных идей, как перевоплощение, но на них обращать внимание не следует.

Это напоминает, мои дорогие друзья, опять-таки столь горькую, ироническую и все же такую умную запись, которую Геббель¹³ раз сделал в своем дневнике. В ней он говорит, что было бы прекрасным сюжетом следующее: учитель гимназии в своей школе проходит Платона, а перевоплощенный Платон находится среди его учеников, и он настолько скверно понимает Платона в объяснении учителя гимназии, что учителю приходится его строго наказать. Ведь в том, что касается исторического восприятия развития человечества, из прежнего духовного понимания очень многое утеряно, и духовная наука действительно должна будет защищаться от натиска материалистического мышления, которое проникает со всех сторон и которое находит прямо глупым то, что может быть сообщено на основе духовных фактов. И мы, в сущности, зашли в этом очень далеко. Например, все те мощные образы, все те мощные символические представления, которые проистекали из древнего ясновидческого познания людей и которые выразились в мифологиях, в фигурах героев, в образах легенд и сказок, находят сегодня толкователей самого странного рода. Самое курьезное в этой области, пожалуй, та книжонка "Орфей" Соломона Рейнака, которая в наше время обратила на себя известное внимание во многих кругах Франции. Все, из чего проистекали образы Деметры, Орфея, образы другого мифологического круга, сводится там к чисто материальным событиям, и порой более чем странно, как выводится историческое существование той или иной фигуры, которая скрывается, скажем, за Гермесом или Моисеем, и как тривиально стараются объяснить эти фигуры из чисто человеческого сочинительства, из фантазии. По методу Соломона Рейнака, через 60-70 лет, то есть когда немного сотрется внешняя память о нем, было бы легко доказать, что никогда не было подобного Рейнака, что это есть народное творчество, которое перенесло древнюю идею о Рейнеке Лисе на Соломона Рейнака. По его методу это было бы вполне возможно. Это все так нелепо, как и то, что, - как это разъясняется в предисловии, - эта книжонка "Орфей" написана "для широких кругов современных образованных людей, а также для юношества"! "Для юношества", ибо Рейнак подчеркивает, что он избегал всего, - хотя того, чтобы свести идею Деметры к свинье, он не избегнул, - что он избегал всего, могущего оскорбить нравственные чувства молодых девиц! Однако он обещает, что если его книга приобретет влияние, на которое он надеется, подготовить особое издание своей книги для мамаш, которое будет содержать все то, что пока еще должно быть скрыто от дочерей. Так далеко мы зашли.

Хотелось бы постоянно обращать внимание как раз сторонников духовной науки на то, что действие духовных властей, духовных сил посредством людей вплоть до нашего столетия действительно можно доказать на чисто внешних разумных основаниях, совершенно независимо от чисто оккультно-эзотерического исследования, которое будет, главным образом, нас здесь занимать. Но чтобы нам достичь взаимопонимания в том, каким образом духовная наука может получить известную возможность отстаивать чисто внешне действие сверхчувственных сил в истории, позвольте мне указать вам на следующее.

Тот, кто имеет некоторое представление о развитии современного человечества, совершавшемся, скажем, в XIV, XV веках, вплоть до XVI века, знает, сколь бесконечно глубокое значение в этом внешнем развитии человечества в Новое время имело историческое выступление определенной личности, относительно которой действительно можно, я бы сказал, самым внешним образом доказать, что через нее действовали духовно-сверхчувственные силы. Чтобы пролить немного света на оккультное понимание истории, можно поставить вопрос: что случилось бы с развитием новейшей Европы, если бы в начале XV века в развитие не включилась девушка из Орлеана, *Орлеанская Дева*¹⁴? Тот, кто хотя бы чисто внешне рассмотрит развитие этого времени, должен сказать: если вычеркнуть из исторического процесса деяния Орлеанской Девы, то по одному тому, что можно узнать из чисто внешних исторических исследований, станет ясным: без действия высших сверхчувственных сил через Орлеанскую Деву Франция, да и фактически вся Европа, должны были бы получить в XV веке совершенно иной облик. Ибо тогда все, что происходило в импульсах воли, в мозгах физических голов, шло к тому, чтобы наложить, так сказать, на все государства Европы вычеркивающее и погашающее народные индивидуальности

всеобщее представление о государстве. Под этим влиянием, конечно, стало бы невозможным бесконечно многое из того, что в последние столетия выработалось в Европе благодаря взаимодействию европейских народных индивидуальностей. Пусть представят себе, что из истории вычеркнуты деяния Орлеанской Девы, пусть представят себе Францию предоставленной своей судьбе без выступления Орлеанской Девы, пусть зададут себе вопрос, что стало бы с Францией без этого подвига? И затем пусть обдумают, какую роль Франция играла в последующих столетиях для всей духовной жизни человечества. И пусть сопоставят это с неопровержимыми, доказуемыми внешними документами фактами, свидетельствующими о посланничестве Орлеанской Девы. Отдадим себе отчет в том, как эта девушка с не особенно высоким даже для ее времени внешним образованием вдруг, в возрасте еще не полных двадцати лет, осенью 1428 г. чувствует, что к ней обращаются духовные власти сверхчувственных миров; власти, которые она наделяет, конечно, теми формами, которые для нее привычны, так что она видит их сквозь призму своих представлений, однако это не довод против реальности этих властей. Представьте себе, что она знает: сверхчувственные власти направляют силу ее воли к совершенно определенному месту. Я рассказываю вам об этих фактах не то, что можно было бы изложить согласно Хронике Акаши, но лишь то, что установлено согласно документам, чисто исторически.

Мы знаем, что эта девушка из Орлеана открылась сначала одному своему родственнику, у которого она, можно сказать, почти случайно нашла понимание; что она разными окольными путями и с большими трудностями была приведена в лагерь, где расположился двор короля Карла, который со всем французским войском дошел, так сказать, до последнего предела, и мы знаем, что под конец, после того, как ей воздвигли на пути всевозможные преграды, среди целой толпы народа, куда король Карл был помещен так, чтобы его нельзя было вообще различить внешнему взгляду, она верно нашла его, сразу же направляясь к нему. Известно также, что тогда она открыла ему нечто, -этим он хотел ее испытать, - о чем, можно сказать, знали лишь сверхчувственный мир и он один. И вы, может быть, знаете из внешней истории, как затем она, ведомая неизменным импульсом и под неизменным влиянием своей крепкой веры, - лучше сказать, своим непосредственным ведением, -среди величайших трудностей привела войско к победе, а короля - к коронованию.

Кто вмешался тогда в ход исторического развития? Не кто иной, как существа, принадлежащие к высшим иерархиям! Девушка из Орлеана была внешним орудием этих существ, и они, эти существа высших иерархий, направляли события истории. Может статься, мои дорогие друзья, что кто-нибудь рассудительно возразит: "направляй ее я, я направил бы ее умней", полагая, что то или иное, произошедшее благодаря выступлению Орлеанской Девы, не укладывается в его голове. Но те, кто принимают духовную науку, не должны желать исправлять деяния богов человеческим умом, как это теперь происходит повсюду в нашей так называемой цивилизации. Видите ли, естественно, нашлись люди, которые в духе нашего времени захотели, так сказать, освободить современную историю от подвигов Орлеанской Девы. Характерное для нашего времени произведение написал в этом материалистическом духе Анатолий Франс¹⁵.

Следовало хотя бы знать, как разделяется материалистическое мышление с сообщениями, которые действительно, - я говорю все еще о документах внешней истории, - весьма хорошо обоснованы.

Так как мы находимся как раз здесь, в этом месте, а я иногда люблю обратить внимание на местные условия, я хочу привести вам документ, на который здесь уже раз ссылались. Штутгартцы, конечно, знают, что здесь, в этом месте, жил некогда выдающийся исследователь Евангелия. Конечно, нам незачем соглашаться со многим остроумным, что Гфрёрер¹⁵, - так звали исследователя Евангелия, -предлагает в своем исследовании Евангелия, и можно быть вполне уверенным, что Гфрёрер, если бы он слышал, что сейчас возвещается в области духовной науки, употребил бы то выражение, которое он часто употреблял по отношению к своим противникам, которых он по своей твердолобости не очень-то жаловал; выражение, что и теософы -это такие люди, у которых "не все ладно под шляпой". Но тогда не настало еще время, когда можно было, как это делается сегодня, так сказать, чисто материалистическим образом перешагнуть через исторические документы, когда эти документы касаются событий, которые неудобны, которые явно указывают на действие живых высших сил в нашем физическом мире.

Итак, сегодня я хотел бы снова привести небольшой документ, письмо, которое было опубликовано в первой половине XIX века. Я хочу прочесть вам только некоторые места, так же, как тогда Гфрёрер ссылался на это письмо¹⁶ для оправдания своей веры. Я хочу прочесть вам место из одной характеристики Орлеанской Девы и затем спросить вас, что такое живое описание означает.

После того, как автор письма, на которое ссылался Гфрёрер, перечислил, что совершила Орлеанская Дева, он продолжает: "Это и многое другое совершила [Орлеанская] Дева, и с Божией помощью она совершит еще большее. Это - девушка прелестной красоты и обладает мужественной осанкой. Она говорит мало и выказывает удивительный ум; когда она говорит, голос ее приятен, как и подобает женщинам. В еде она умеренна, еще более умеренно пьет она вино. Красивые кони и оружие доставляют ей удовольствие. Вооруженных и благородных мужей она очень любит. Многолюдные собрания и разговоры неприятны Деве. Она часто проливает слезы, любит веселые лица, переносит неслыханный труд и столь ревностна в вождении войска и ношении оружия, что остается при полном вооружении без перерыва по шесть суток днем и ночью. Она говорит, что англичане не имеют права на Францию и поэтому, как она говорит, Бог послал ее, чтобы она изгнала и победила их, но только после предварительного увещания. Королю она оказывает величайшее почитание; она говорит, что он любим

Богом и находится под особой защитой, почему он и будет соблюден. О герцоге Орлеанском, Вашем племяннике, она говорит, что он будет освобожден чудесным образом, но только после того, как англичанам, которые держат его в плену, будет направлен призыв освободить его. И чтобы закончить, светлейший принц, мое донесение: происходит и происходило много еще более удивительного, чем я могу вам описать или выразить словами.

В то время как я это пишу, названная Дева уже направилась в окрестности города Реймса в Шампани, куда спешно отправился король для своего помазания и коронования с Божией помощью. Светлейший и могущественнейший принц и мой высокочтимый господин, смиренно поручаю себя вам, прося Всевышнего сохранить Вас и исполнить Ваши желания.

Написано в Битероми в 21 день месяца июня.

Ваш смиренный слуга Персиваль, владетель Бонламиулька, советник и казначей короля французов и господина герцога Орлеанского, сенешаль короля, родом из Берри".

Человек, который знает эту девушку, пишет это письмо, находясь в непосредственной близости к королю. Поистине удивляешься, когда находишь все эти вещи вновь на чисто оккультных основаниях и доказательствах, - ибо их можно найти в Хронике Акаши, - и затем видишь, что в таких случаях вполне можно привести и внешние исторические документы. Короче, кажется почти безумием сомневаться в том, что действовало через Орлеанскую Деву. И если мы затем примем еще во внимание, что благодаря ее подвигам вся история Нового времени получила другой облик, то это даст нам право сказать, что мы видим здесь действующий непосредственно, внешне-документально доказуемо, сверхчувственный мир.

Если же затем духовный исследователь идет дальше и ищет своими средствами настоящего инспиратора, действовавшего на Орлеанскую Деву, то, исследуя одну за другой эпохи, он находит нечто совсем особенное. Он находит, что тот же самый дух, который действовал через Орлеанскую Деву, так сказать, как через свое орудие, в совсем другой форме, инспирируя совсем иным образом, воздействовал на другую личность, которая в качестве философа жила при дворе Карла Лысого, на *Скота Эриугену*, чьи философско-теологические идеи имели такое глубокое влияние на Европу в более раннюю эпоху. Таким образом, мы видим, что одни и те же силы в различные эпохи различным образом действуют посредством людей, как посредством своих орудий, что непрерывность совершающегося заключена в том, что мы называем историей.

Вчера я показал вам, как в значительном мифе вавилонско-халдейской эпохи указывается на воздействие духовных миров на людей, от которых зависело многое в ходе истории в третьем из наших послеатлантических периодов, зависело многое в ходе всего исторического становления в древней Халдее, в древней Вавилонии. Но теперь мы должны рассмотреть, конечно, также с точки зрения оккультной науки, те две личности, которые скрываются за легендарными именами Гильгамеша и Эабани. Оккультно-исторически мы должны видеть в них личности, которые стоят у исходного пункта того, что мы называем вавилонской, халдейской культурой. То, что могло прийти от них как импульсы, мы находим вновь в развитии духовной культуры древней Вавилонии и Халдеи. Гильгамеш был личностью, имевшей позади себя много инкарнаций такого рода, что эту личность можно назвать старой душой в развитии человечества.

Вы уже знаете из "Очерка тайноведения", что в лемурийском периоде земного развития лишь совсем немногие люди выдержали его события на самой Земле, лишь немногие остались на Земле во время лемурийского периода; что большая часть душ прежде, нежели началась собственно опасность мумифицирования всего человеческого, поднялась от Земли к другим планетам и жила дальше на Марсе, Сатурне, Венере, Юпитере и так далее; что затем, с конца лемурийского периода, и во время атлантического периода эти души постепенно вновь спустились на Землю, чтобы в изменившихся земных условиях воплощаться в земных телах и появляться все в новых инкарнациях. Так что мы имеем души, которые сравнительно рано спустились из мира планет, и другие, которые спустились поздно, в более поздние эпохи атлантического развития. Первые, те, что спустились раньше, имеют позади себя больше инкарнаций на земле, чем те, что спустились позже, и потому в противоположность первым мы можем назвать эти души молодыми душами, душами, которые, значит, меньше восприняли в себя. Старой душой была та индивидуальность, которая скрывается за именем Гильгамеша, и более молодой - та, которая была воплощена в Эабани у исходного пункта вавилонской культуры. Да, относительно большего и меньшего возраста человеческих душ открывается, - можно почти сказать, даже к изумлению оккультиста, - нечто удивительное.

Если сегодня кто-нибудь преуспел, например, настолько, что немного допускает истины духовной науки, но в остальном все еще цепляется за предрассудки и оценки внешнего мира, ему, возможно, покажется, что, например, души философов и ученых нашего времени надо причислять к более старым душам. Оккультное исследование выявляет как раз обратное, как бы странно это ни звучало, и даже для оккультистов поразительно, что, например, в *Канте* жила молодая душа. Да, с этим ничего не поделаешь - факты говорят это. Можно было бы указать и на то, что более молодые души воплощаются, конечно, в большинстве случаев, в цветных расах; что цветные расы, именно негритянская раса, приводят к воплощению главным образом более молодые души. Как раз своеобразие того рода человеческого мышления, который выражается в учености, в нынешней материалистической науке, обуславливает более молодые души. И может быть даже доказано, что предшествующее воплощение многих личностей, относительно которых никак нельзя было бы это предположить, определенно протекало среди дикарей. Да, так опять-таки говорят факты! Все это должно быть усвоено, ибо это так. Конечно,

это не преуменьшает значения суждений, которые мы имеем об окружающем нас мире, их ценности; тем не менее это должно быть принято для общего понимания того, о чем идет речь. В этом смысле в древней Вавилонии мы имеем дело в Эбани с молодой душой, в Гильгамеше - со старой. Такая старая душа по всей своей природе рано охватывает не только то, что является как бы элементом, фактором современной культуры, но и то, что, как культурные возможности, входит в настоящее и позволяет заглянуть в далекие перспективы будущего.

Пусть возражают в ответ на объяснение, что часто столь низко ценимые теософы в большинстве случаев являются более старыми душами, чем те, кто читает академические лекции. Но это показывает исследование; и хотя духовное исследование не должно быть ложно употребляемо для переворачивания оценок и глумления над тем, что является принадлежностью нашей культуры, но ведь надо смотреть правде прямо в глаза.

Таким образом, Гильгамеш был личностью, которая, в силу своей душевной конституции, была связана с тем, что принадлежало к наиболее передовым духовным элементам и духовным факторам того времени; с тем, что для того времени светило далеко в будущее, что и тогда могло быть достигнуто только тем, что подобная личность прошла посвящение известного рода. Через определенное посвящение, через сообщение того, что могло быть получено лишь посредством посвящения, должно было быть дано Гильгамешу то, что делало его способным дать фермент для вавилонской культуры. Итак, он должен был пройти посвящение до известной ступени.

Посмотрим, в каком положении должен был находиться Гильгамеш в человеческом развитии прежде этого посвящения. Он был человеком третьей послепалеолитической эпохи. В эту эпоху наступили уже сумерки для естественного человеческого ясновидения, для того, что человек мог и на что он был способен благодаря своим природным силам. Ясновидение не существовало уже в той степени, чтобы большое число людей могло взирать назад на свои более ранние инкарнации. Если мы пойдем далее назад, во вторую, в первую послепалеолитические эпохи, мы увидим, что большинство людей на земле еще могли взирать на их прежние инкарнации, на протекание их душевной жизни до их теперешнего рождения. Но это постепенно было утрачено. У Гильгамеша дело обстояло так, что с самого начала существо, которое должно было проявиться через него и которое могло проявиться через него, только постепенно ведя его к некоторому посвящению, что это существо всегда охраняло его. Оно ставило его на то место, где он учился судить о своем собственном положении в мировой истории. Благодаря событиям сверхчувственного характера, которые в мифе, приведенном мною вчера, встают перед нами в образах, в помощь ему дается друг, чья дикость, нецивилизованность указывает нам тем, что он по своему внешнему облику наполовину зверь. Говорится, что этот друг носил на своем теле звериные шкуры. Это значит, что он, как люди первобытного состояния, был покрыт волосами, что его душа была так молода, что построила себе тело, которое являло человека еще в диком обличий. Таким образом, Гильгамеш, более ушедший вперед, имел в Эбани рядом с собой человека, который, благодаря своей молодой душе и обусловленной этим телесной организации, обладал еще древним ясновидением. Чтобы сам он мог ориентироваться, был дан ему этот друг. Затем с помощью этого друга ему удалось осуществить некоторые вещи, скажем, возвращение той духовной силы, которая опять-таки представлена в мифе в образе городской богини Эрека Иштар. Я говорил вам, что богиня города была похищена соседним городом и что поэтому оба, Гильгамеш и Эбани, начали войну против соседнего города, победили царя этого соседнего города и привели обратно богиню города.

Если хочешь понимать исторически верно такие вещи, которые изображаются нам в этих древних мифах, то необходимо вникать уже в оккультные подосновы их. За этим похищением богини города скрывается ведь нечто подобное тому, что скрывается за похищением Елены, которую Парис увозит в Трою. Мы должны отдавать себе отчет в том, что то, что изложено в моей маленькой работе "Кровь - совсем особый сок"¹⁷, покоится на реальных основаниях. Там указано, что у древних народов существовало некоторое общее сознание, что человек ощущал не только свое личное "я" в пределах своей кожи, но что он ощущал себя членом племени, городской общины. Таким же образом, как отдельная человеческая душа ощущается в качестве центрального фактора для наших пальцев, рук и ног, которые принадлежат друг другу, для всего нашего организма, так же чувствовал себя человек в древние времена членом групповой души, к которой он принадлежал. Нечто подобное существовало в древние времена еще в древних городских общинах, даже в Греции. Общий дух, Я-народа, Я-племени жил и действовал в отдельных личностях народа. Но то, что от такого общего Я могло доходить до человеческого сознания, должно было быть управляемо в мистериях, в тайных храмовых центрах. Жрецы древних мистерий управляли общими духовными делами города или племени. И говорят не только фигурально, по известным образом реально и верно, что такой храм был действительно обителью >7-города, групповой души. Там было ее центральное местопребывание, и жрецы храма были ее слугами. Они были теми, которые через инспирацию принимали поручения этой групповой души, - что называлось оракулом, - и выносили их в мир, чтобы произошло то или иное; ибо оракулы в то время надо понимать именно в том смысле, как я вам сейчас охарактеризовал.

Управление такими святилищами было связано с определенными тайнами, и в древние времена многие войны разыгрывались так, что храмовые жрецы одного города уводились в плен соседним городом; с жрецами же храма соседний город как бы похищал важнейшие тайны другого города. Перед вами - реальное событие, которое отвечает тому образу, что богиня города Иштар, душа народа Эрека, похищается соседним городом. Жрецы храма, правители тайн храма, были взяты в плен, потому что соседи надеялись таким образом завладеть священными тайнами, а через это - и силой данного города. Это реальная оборотная сторона событий. При том

строе души, в котором Гильгамеш находился вначале, он не мог воспринимать сам такие вещи, потому что он не проникал взглядом в эти отношения. Однако более молодая душа могла служить ему, так сказать, органом ясновидения, которое помогло ему отвоевать назад для родного города сокровище храма. Тогда до сознания Гильгамеша было определенно доведено, что как раз в переходное время в человеческой жизни существует нечто, что изображается в легенде о слепом и хромом, из которых каждый в отдельности беспомощен, но которые вместе двигаются вперед, благодаря тому, что слепой берет хромого на плечи, а хромой делится со слепым своей возможностью видеть. В Гильгамеше и Эбани мы видим перенесенное в духовное такое взаимодействие людей совершенно различных способностей. Мы встречаемся с этим на каждом шагу, особенно в исторических событиях древних времен. Важно понимать это, ибо только тогда можно понять, почему так часто в мифах и сказаниях перед нами выводятся друзья, которые должны совершить что-либо сообща; друзья, которые обычно так же различны по своему душевному складу, как это было у Гильгамеша и Эбани. А то, что Гильгамеш через Эбани, своего друга, сверх того приобрел для своей души, было то, что он как бы заразился от Эбани ясновидческой силой, так что некоторым образом смог оглянуться на свои собственные прежние инкарнации. Таким образом, Гильгамеш действительно научился от Эбани видению своих прежних инкарнаций. Это было уже нечто, что выходило за пределы нормальных способностей Гильгамеша. Представим же себе живо, как могло повлиять на Гильгамеша это обращение назад к его прежним инкарнациям?

Что мог он себе сказать, начиная с того дня, когда в его душе появилась возможность оглянуться на то, что его душа пережила в прошлой инкарнации? Сначала это его поразило. Он не мог так просто принять свою собственную сущность, какой она была в прежних инкарнациях; сразу он, так сказать, не узнал себя. Так было бы, мои дорогие друзья, вообще с людьми, если бы они начали видеть свои прежние инкарнации. В большинстве случаев это имело бы совсем иной вид, чем в тех выдумках, которые появляются постоянно, когда говорится, что какой-либо человек есть реинкарнация той или иной личности. Может случиться, что кто-либо приведет целый ряд громких исторических имен в качестве имен своих предшествующих инкарнаций. Должно быть, есть целая группа людей, которые убеждены, что в их прежних инкарнациях нет ничего ниже ранга королей или принцесс. Именно в этих вещах, с которыми все должно обстоит так серьезно, не место фантазии, с ними нельзя своевольничать. Тот же, кто, как тогда Гильгамеш, впервые обращает свой взгляд назад на череду своих инкарнаций, порою может быть действительно поражен. Ведь он оглядывался на инкарнации, когда он был еще вовлечен в различные отношения, обусловленные групповой душевностью. Для себя он, конечно, в известной мере выбрался из этих отношений, он вообще ведь впервые через Эбани мог понять все значение того, что символизируется в мифе богиней города. Но когда он обратился назад, то ему многое в его прежних инкарнациях не понравилось, тут он мог себе сказать: ведь это совсем не в моем вкусе. Он увидел, например, что его душа в прошлых инкарнациях имела совсем особенные дружеские отношения, совсем особенные человеческие связи, которых он стыдился бы теперь. Тогда произошло то, что изображено в мифе, - он начал бранить то, что открыла ему окольным путем через Эбани богиня города, он делает упреки своей душе. В мифе указано, что он делает упреки богине за ее знакомства, потому что он ревновал к этим знакомствам. Он видел, так сказать, горизонт своей души, и видения стояли перед ним так живо, как люди, к которым испытываешь ту или иную симпатию или антипатию, стоят вокруг кого-либо во внешнем физическом мире. И во всем том, что Гильгамеш ставит в упрек богине города, мы узнаем, что он разговаривает, собственно, с тем, что разыгрывается в глубине его души. Когда, например, нам говорится, что он упрекает богиню города в том, что она водила знакомства с каким-то человеком, который в мифе назван Ишулану, то это означает не что иное, как то, что ему не нравилось его собственное знакомство с этим человеком, садовником его господина в прошлой инкарнации. Следовательно, то, что происходило в душе Гильгамеша и через что он, собственно, впервые получил ту внутреннюю проникновенность, ту внутреннюю полноту души, в которой нуждался, чтобы стать основателем вавилонской культуры, все это изображается нам в возвращении к известному ясновидению, в восхождении в сверхчувственные миры, что было им в определенном отношении уже утеряно, так как он был старой душой. Это передается нам в мифе.

Затем он должен был пройти своего рода посвящение, будучи приведен к такому роду видения, которым его собственная душа обладала во время его атлантических инкарнаций. То, что миф изображает нам как морское плавание и хождение Гильгамеша на Запад, есть не что иное, как внутреннее странствие его души¹⁸ за посвящением, благодаря которому она поднимается к духовным высотам, где может воспринять то, что окружало ее в древнее атлантическое время, когда душа еще ясновидчески взирала в духовный мир. Поэтому миф рассказывает, что Гильгамеш в этом своем духовном странствии столкнулся с великой личностью властителя из Атлантиды, Кисуфром. Это была личность, которая принадлежала к высшим иерархиям и во время атлантического периода жила в составе человечества, но затем была восхищена от этого человечества и жила в более высоких областях бытия. Эту личность должен был узнать Гильгамеш, чтобы из созерцания ее сущности приобрести то, что было необходимо, чтобы знать, каковы души, когда они могут взирать в духовные миры. Так был он вновь возведен в духовные сферы благодаря тому, что в своей душе был возвращен назад в атлантические времена. И когда на него возлагается задание не спать семь ночей и шесть дней, то это означает не что иное, как упражнение, которым душа должна была быть преобразована, чтобы полностью проникнуть в соответствующие, только что охарактеризованные духовные области. Если нам говорится, что он этого не выдержал, то это означает опять-таки нечто очень важное; это значит, что Гильгамеш должен быть нам изображен как личность,

которая подводится вплотную к границе посвящения, которая могла как бы заглянуть сквозь врата посвящения в духовные тайны, но которая по всему характеру условий того времени все-таки не могла проникнуть во все глубины. Одним словом, должно быть сказано, что основатель, учредитель вавилонской культуры как бы остался стоять у врат посвящения, что он не мог видеть совершенно ясно в высших духовных мирах и что потому он придал всей вавилонской культуре тот отпечаток, который есть отпечаток лишь простого заглядывания в тайны посвящения. Мы увидим, что внешняя вавилонская культура фактически такова, что она оправдывает только что сказанное.

В то время как, например, все указывает нам на то, что в Гермесе мы имеем перед собой личность, которая глубоко, глубоко взирала в наиболее святые тайны посвящения и потому могла стать великим инициатором египетской культуры, мы должны сказать, что внешняя вавилонская культура подготавливалась таким образом, как мы это только что охарактеризовали: именно посредством ведущей личности, имевшей в душе все те свойства, которые развиваются, когда не совсем проникают в глубину святых тайн. Поэтому мы действительно имеем в древней Вавилонии такое историческое развитие, в котором отчетливо идут рядом внешний культурный поток и эзотерически-внутренний. В то время как в египетской жизни оба они более проникают друг в друга, в древневавилонской культуре они как бы полностью расходятся. И [лишь] внутри того, что мы должны рассматривать как вавилонскую культуру, такую, какой она была учреждена Гильгамешем, жило то, что заключено в святейших, сокровеннейших мистериях халдеев. Посвященные мистерий были, конечно, посвящены до самой глубины, но это лишь тонкой струей текло сквозь внешнюю культуру. Эта внешняя культура была результатом импульсов Гильгамеша.

Итак, из всех этих рассмотрений выяснилось, что Гильгамеш как личность, в сущности, был не настолько продвинутой, чтобы пережить полное посвящение. Но как раз благодаря тому, что в эпоху, в которую он действовал, он не мог, так сказать, выявлять свои собственные личные импульсы, сообщать миру то, что было его личной силой, он мог совершенно особенно давать действовать через себя одному из тех духовных существ, которых мы причисляем к разряду духов Огня, то есть архангелов. Такое существо действовало через Гильгамеша, и строй жизни Вавилона, его движущие силы, чьим орудием был Гильгамеш, мы должны искать в таком духе Огня. Таким образом, мы действительно можем представить себе Гильгамеша в образе, который может нам дать символ древнего кентавра. Древние символы гораздо больше культного рассмотрения, то мы должны отдавать себе отчет в том, что тут мы имеем дело с воздействием существа высших духовных иерархий. Так что, если мы должны, собственно, каждого человека в аспекте его духовности рассматривать в образе кентавра, то у человека, который действует так, как Гильгамеш, мы в особенности должны допустить, что духовное кентавра направляется высшими властями, которые посылают свои силы в поступательное движение человечества. И когда мы еще дальше вглубь пойдем в истории, то увидим, что это представится нам еще яснее. Мы увидим, как это модифицируется вплоть до настоящего времени и как духовные силы, чем больше мы входим в нашу непосредственную современность, постоянно принимают другие облики, действуя через людей.

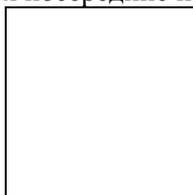
Лекция третья
Штутгарт, 29 декабря 1910 г.

Мои дорогие друзья!

Из того, что говорилось до сих пор в порядке беглого ознакомления с оккультным протеканием человеческого развития, некоторые вещи уже укажут вам, что протекание инкарнаций, определяемое индивидуальным характером и индивидуальным развитием самого человека, модифицируется вмешательством духовных сил из области высших иерархий. Реинкарнация совсем не такое простое событие в развитии человечества, как это можно было бы предполагать из известного теоретического удобства. Конечно, это факт, что человек все вновь воплощается, что то, что мы называем ядром его существа, появляется во все новых инкарнациях; также верно, что существует причинная связь между жизнями, выступающими позже как инкарнации, и прежними жизнями; также есть закон кармы, который, так сказать, выражает эту причинную связь. Однако за пределами всего этого существует еще нечто другое, - и лишь это другое ведет нас к пониманию хода исторического развития человечества. Развитие человечества протекало бы совершенно иначе, если бы не участвовало ничего другого, кроме причинной связи между одной и другой или между предшествующей и последующей инкарнациями человека. Однако, более или менее в каждой инкарнации - и в особенности, у ведущих лиц в истории - в человеческую жизнь постоянно вторгаются весьма значительные другие силы и пользуются человеком как орудием. Отсюда можно заключить, что непосредственный, исключительно в самом человеке заложенный кармический ход жизни, модифицируется на протяжении инкарнаций. Так оно и есть на самом деле. И вот, можно говорить о некоторой закономерности, - мы ограничимся пока только послеатлантическими эпохами, - о закономерности того, каким образом в послеатлантические эпохи, вплоть до настоящего времени, влияния других миров и индивидуальная карма человека находятся в связи друг с другом. Нельзя иначе, как только посредством схематического рисунка, объяснить вам, как складываются эти влияния и в каком отношении находятся они к индивидуальности человека.

Представим себе, что эта нанесенная здесь, посередине доски, округлая поверхность есть то, что мы привыкли называть человеческим "я", теперешнее ядро нашего человеческого существа.

Обозначим теперь здесь другие члены существа человека, вначале отвлекаясь от разделения души на душу ощущающую, душу рассудочную и душу сознательную. Значит, здесь мы схематически изобразили астральное тело, эфирное тело, физическое тело. Теперь, - так как мы хотим оставаться при послеплатоническом развитии, - давайте выясним, в чем будет прежде всего состоять будущее человека согласно тому, что мы уже обсуждали в различных местах. Мы знаем ведь, что мы находимся посередине послеплатонического развития.

Правда, самую середину мы уже несколько перешагнули. Здесь надо лишь вкратце повторить то, что говорилось по другим случаям, - что в греко-латинской культурной эпохе преимущественно достигло развития то, что мы называем душой рассудочной или душой характера (*Gemütsseele*), и что мы теперь находимся в периоде развития души сознательной; в вавилонско-египетский культурный период развилась душа ощущающая; ранее в персидскую эпоху развития - тело ощущений или астральное тело, и в древнейший индийский период развития - эфирное тело человека; приспособление физического тела к нашим послеплатоническим земным условиям совершилось уже в последние эпохи перед великой атлантической катастрофой. Так что, если мы теперь перейдем к тому, чтобы внести сюда и обозначение других членов человеческой организации, то мы можем сказать: "я" человека развивается в нашу послеплатоническую эпоху так, что развитие во время индийского периода протекает главным образом в эфирном теле; во время персидского - в астральном теле; египетско-халдейского - в душе ощущающей; греческого - в душе рассудочной; и в нашей культуре - в душе сознательной, в пятом члене человека, если считать отдельные члены души. В шестом культурном периоде люди разовьются дальше, и душевное человека в некотором роде вратет в Манас; в седьмой, последней послеплатонической культурной эпохе развитие достигнет своего рода вратания человека в Жизнедух или Буддхи; а то, что могло бы вратить в Атма, разовьется лишь в более позднее время, после великой катастрофы, которая завершит нашу послеплатоническую эпоху. Эти вещи известны из цикла об Апокалипсисе¹⁹. Но теперь мы должны обратить внимание на то, что в первый период, индийский, человек по отношению к своему развитию был еще ниже того, в чем живет "я", что, в сущности, древнеиндийская, до-ведийская культура была, в основе своей, инспирированной культурой, то есть культурой, которая как бы вливалась в человеческую душу без той работы "я", которую сегодня мы знаем как работу наших мыслей и наших представлений. Начиная с египетского культурного периода, человек должен, так сказать, активно пользоваться своим "я". Он должен посредством внешних чувств обратить свое "я" в область внешнего мира, чтобы оно получало впечатления; он до некоторой степени должен принимать собственное активное участие в продвижении вперед. Древнеиндийская культура была более пассивной культурой, культурой, которая, так сказать, достигалась путем отдачи тому что вливалось в человеческое существо как инспирация. Поэтому будет понятно, что эту древнеиндийскую культуру мы должны возводить к другой деятельности, чем та, которая совершается ныне человеческим "я"; что нынешняя деятельность "я" должна была быть, так сказать, заменена для индийской души того времени тем, что в человеческое существо погружались высшие существа и инспирировали человеческую душу.

Если мы спросим, что вносилось тогда, так сказать, извне в человеческую душу, что погружалось в нее существами высших иерархий, то мы можем сказать: это было то же самое, чего человек достигнет позднее как своей собственной деятельности, как своей собственной активности, когда он поднимется до того, что мы обозначаем словом Атман или Духочеловек. Другими словами, в будущем человеческая индивидуальность возвысится до работы в Атмане. Эта работа будет собственной работой человеческой души, ядра человеческого существа, того, что непосредственно связано с его самым внутренним существом. И так, как человек после сам будет работать в себе самом, так работали существа высших иерархий над индийской душой.

Если мы хотим описать, что происходило в эфирных телах индийских душ, то мы можем сказать: там работало как бы еще затемненное, в сумеречном сне покоящееся сознание "я", работал Атман в эфирном теле. Мы вполне можем сказать, что древнеиндийская душа была ареной, на которой протекала, в сущности, сверхчеловеческая работа, работа высших существ в эфирном теле древних индусов. И то, что тогда вводилось в эфирное тело, была та работа, которой человек достигнет позднее указанным образом, когда Атман станет работать над эфирным телом. Затем в персидской культуре Буддхи или Жизнедух работал в астральном теле, в теле ощущений.

А в халдейско-вавилонско-египетской культуре работал Манас или Самодух в душе ощущающей. Таким образом, в египетско-вавилонско-халдейской культуре все еще не была выявлена полная активная работа "я" в самой душе. Человек, хотя и в меньшей степени, чем раньше, является все еще пассивной ареной для работы Манаса в душе ощущающей. Только в греко-латинскую эпоху человек вступает, так сказать, вполне активно в свою собственную душевную жизнь. Мы знаем, что в душе рассудочной впервые дает себя знать "я" как самостоятельный член внутреннего существа человека, и потому мы можем сказать: в греческой культуре работает фактически "я" в "я", то есть человек как таковой в человеке. Мы еще увидим в ходе этих лекций, что в греческую эпоху все своеобразие тогдашней культуры выступает как раз благодаря тому, что "я" работает в "я".

Но теперь эту культурную эпоху мы, уже немалое время, как имеем позади нас; и в то время, как в до-греческую эпоху высшие существа как бы погружались в ядро человеческого существа и работали в нем, в нашу эпоху мы должны исполнять обратную задачу. То, что мы выработали нашим "я", то, что мы способны посредством нашей активности принять в себя из впечатлений внешнего мира, мы должны суметь сначала приобрести совершенно человеческим образом, но затем мы не должны останавливаться на той позиции, на которой остановились люди греко-латинской эпохи, разрабатывая только лишь человеческое, только лишь чисто человеческое как таковое. Но то, что мы вырабатываем, мы должны возносить вверх и вводить в то, что должно прийти. Мы должны, так сказать, взять направление вверх, к тому, что должно прийти позднее - к Манасу или Самодуху. Но его можно ждать только в шестой культурный период. Мы находимся ныне между четвертым и шестым периодами. Шестой обещает человечеству, что оно сможет вознести в высшие области то, что приобретается благодаря внешним впечатлениям, которые "л" получает через свои органы чувств. В нашу пятую культурную эпоху мы только в состоянии, так сказать, сделать приступ - все то, что мы приобретаем во внешних впечатлениях и чего мы достигаем через переработку этих впечатлений, отчеканить так, чтобы оно могло получить направление вверх. Мы живем в этом отношении поистине в переходную эпоху, и если вы вспомните, что вчера было сказано о действующей в Орлеанской Деве духовной силе, то вы увидите, что уже в Орлеанской Деве действовало нечто из того, что движется в противоположном направлении, нежели воздействия высших сил в до-греческую эпоху.

Когда кто-либо, принадлежащий, скажем, к персидской культуре, оказывался под влиянием сверхчувственной силы, которая пользовалась им как своим орудием, то эта сила действовала именно внутри ядра его человеческого существа; она проявляла себя там во всей полноте, и человек созерцал, переживал то, что насаждала в нем эта духовная сила, чем она его инспирировала. Человек нашего времени, если он вступает в отношения с такими духовными силами, может, так сказать, вознести вверх то, что он переживает в физическом мире благодаря работе своего "я", благодаря впечатлениям своего "я"; он может направить это вверх.

Поэтому у таких личностей, как Орлеанская Дева, бывает так, что изъявления, откровения духовных сил, которые хотят обратиться к ней, правда, находятся в сфере, до которой она восходит, но это откровение заслоняет нечто, что не искажая реальности этих откровений, дает им определенный облик; это то, что переживает здесь в физическом мире "я" человека. Другими словами, Орлеанская Дева получает откровения, но она не может видеть их так непосредственно, как древние; между ней, ее "я", и этими объективными силами включается мир представлений, которые она получила в физическом мире: образы Девы Марии, Архангела Михаила, какими она их получила из своих христианских представлений; они встают в промежутке. Здесь мы имеем в то же время пример того, что когда дело идет о духовных вещах, мы должны видеть различие между объективностью откровения и объективностью содержания сознания. Орлеанская Дева видела Деву Марию и Архангела Михаила в определенном образе. Эти образы не следует мыслить присущими непосредственно духовной реальности; облику этих образов не следует приписывать непосредственной объективности. Но если кто-нибудь сказал бы, что это только воображение, то это был бы вздор. Ибо откровения приходят к Орлеанской Деве из духовного мира, который человек сможет увидеть в облике, в каком он должен его видеть в послеатлантический период, хотя и только в шестой культурной эпохе. Но если даже Орлеанская Дева не видит истинного облика [духовного мира], то все же этот истинный облик на нее нисходит. Орлеанская Дева несет ему навстречу религиозные представления своего времени, она как будто накрывает его; из нее спиритуальная сила вызывает ее мир представлений. Таким образом откровение следует считать объективным. Если даже кто-нибудь может доказать, что в откровение духовных миров в наше время вливаются субъективные элементы, если образ, который составляет себе данный человек о духовном мире, мы не можем считать объективным, если даже это есть [его] покров, то мы не должны из-за этого принимать объективные откровения за такой покров. Они объективны. Они волшебным образом извлекают содержание из нашей собственной души. Мы должны различать объективность содержания и объективность фактов, которые приходят из духовного мира. Это я должен особенно подчеркнуть, потому что в этой области постоянно совершаются ошибки, - правда, ошибки противоположного рода: как теми, которые признают духовный мир, так и их противниками.

Таким образом, Орлеанская Дева представляет для нас, так сказать, историческую личность, которая действует уже совсем в духе нашей эпохи, когда все то, что мы можем, так сказать, произвести на основе наших внешних впечатлений, должно быть обращено к духовному. Но что это значит, если мы применим это к нашей культуре? Это значит, что мы можем сперва наивно обратить взгляд на окружающее нас, но если мы останемся при этом, направляя взгляд только на внешние впечатления, то мы не исполним нашего долга. Мы исполним его только тогда, когда осознаем, что мы должны относить внешние впечатления к находящимся позади них духовным силам. Если занимаясь наукой, мы поступаем так, как это делает теперешняя ученость, то мы не исполняем своего долга. Все, что мы можем познать относительно законов явлений природы, относительно законов душевных явлений, мы должны рассматривать так, чтобы видеть в них язык, который должен возвести нас к божественно-духовному откровению. Когда мы сознаем, что все физические, химические, биологические, физиологические, психологические законы мы должны рассматривать, соотнося их с чем-то духовным, что обнаруживается нам, то мы тогда исполняем наш долг. Так обстоит дело с наукой нашего времени, так обстоит дело и с искусством.

То искусство, которое мы характеризуем как греческое искусство, которое, так сказать, просто имело в

виду человека, которое целиком и полностью изображало только человеческое, работу "я" с "я", поскольку "я" выражается в чувственно-физическом материале, это искусство имело свое время. В наше время у действительно великих художественных личностей как бы инстинктивно возникло стремление обратиться к своему рода жертвенное служение божественно-духовным мирам; это означает, например, смотреть на то, что облечено в звук, как на интерпретацию духовных мистерий. Так когда-нибудь культурно-исторически-окультурно поймут во всех частностях *Рихарда Вагнера*. Как раз на него будут смотреть, как на человека, показательного для нашего, пятого культурного периода; человека, который всегда чувствовал стремление выразить то, что в нем жило, в звуках, порыв к духовному миру; который рассматривал произведение искусства как внешний язык духовного мира.

В сущности, остатки старой культуры и утренняя заря новой культуры противостоят в наше время резко, ожесточенно даже, одно другому. Мы ведь видели, как, так сказать, чисто человеческая работа в звуках, чисто формальная музыка, которую Рихард Вагнер хотел преодолеть, ожесточенно защищалась противниками Вагнера, так как они были не в состоянии почувствовать, что инстинктивно как раз в Рихарде Вагнере возникал, как утренняя заря, новый импульс.

Я не знаю, известно ли большинству из вас, что Рихард Вагнер долгое время подвергался самой суровой, самой ужасной критике. Эти его критики и отрицатели имели своего рода предводителя в лице чрезвычайно талантливого музыковеда *Эдуарда Ганслика* в Вене, который написал интересную книжечку "О музыкально-прекрасном". Я не знаю, знаете ли вы, что этим старое было, так сказать, противопоставлено восхождению новой утренней зари в истории? Эта книга "О музыкально-прекрасном" может служить историческим памятником для позднейших времен. Ибо что хотел Ганслик? Он говорит: нельзя таким образом писать музыку, как Рихард Вагнер; это не музыка, потому что там музыка берет, так сказать, разбег, чтобы указать на что-то, что находится вне музыкального, на нечто сверхчувственное. Музыка же - это "арабески в звуках". Это было любимое выражение Ганслика. Это значит: подобное арабескам сочетание тонов, а музыкально-эстетическое наслаждение заключается в том, чтобы чисто человечески радоваться, как тона звучат друг в друге и один за другим. Ганслик говорил: "Рихард Вагнер вообще не музыкант, он не понимает сущности музыкального. Сущность музыки должна заключаться исключительно в архитектонике звукового материала".

Что можно сказать о таком явлении? Ничего иного, как то, что Ганслик был выдающимся реакционером четвертой культурной эпохи. Он был прав применительно к этой культурной эпохе; но что верно для одной культурной эпохи, не годится для следующей. С его точки зрения можно сказать: Рихард Вагнер не музыкант. Но затем надо было бы сказать дальше: это время теперь прошло, мы должны довольствоваться тем, что происходит из этой эпохи, мы должны примириться с тем, что музыкальное в смысле Ганслика расширяется, поднимаясь над самим собой к чему-то новому. И такого рода столкновение старого и нового мы могли бы изучать во многих областях как раз в нашу культурную эпоху. Особенно это интересно в отдельных отраслях науки. Нас завело бы слишком далеко, если бы мы захотели показать, как везде есть и реакционеры, и такие, которые делают из отдельных наук то, чем наука должна стать - выражением находящегося позади явлений божественно-духовного. Основным элементом, которым должна проникнуться современность, чтобы все сознательнее ставить целью нашей работы божественно-духовное, должна быть именно наука о духе, и наука о духе должна пробуждать повсюду импульсы, направляющие снизу вверх; она повсюду должна призывать человеческие души к жертве, то есть к принесению того, что мы приобретаем через внешние впечатления, в жертву тому, что мы должны достигнуть работой, направляемой вверх в области Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека.

Если мы поставим перед нашими глазами этот образ человеческой истории, оккультной истории, тогда мы найдем понятным, что душа, которая была инкарнирована в индийской, а затем в персидской эпохе, могла быть проникнута инспирирующим элементом какой-нибудь индивидуальности высших иерархий, но что затем, когда она вступила в греко-латинскую эпоху, эта душа оказалась наедине сама с собой, что эта душа работала так, что "я" работало в "я". Все то, что в догреческих эпохах, в отдельных циклах послеатлантических культур являлось подобно божественному внушению, подобно откровению свыше, - это относится еще также и к началу греческого культурного периода, к IX, X, XI векам дохристианской эпохи, - что предстает перед нами как инспирированная культура, в которую извне вливается то, что она должна содержать духовно, все это склоняется все больше и больше к тому, чтобы изживать себя чисто человечески-лично. Сильнее всего это находит себе выражение как раз в Греции. Такого выражения внешнего человека, каким он является, живя в физическом мире, того, что есть человек как опирающееся само на себя существо "я", не видала ни одна эпоха до этого и после этого никогда не увидит. Чисто человечески-личное, заключенное целиком в себе человечески-личное, выявляется исторически в античном образе жизни грека и в его творениях. Посмотрим, как греческий скульптор придавал человечески-личное образам своих богов. Мы можем сказать, что в том, каким предстает перед нами произведение греческой пластики, поскольку оно познаваемо физическими средствами, человек стоит перед нами весь как личность. И если бы мы не забывали, стоя перед художественными произведениями греков, что той инкарнации, которая здесь выражена, предшествовали другие инкарнации и что за ней последуют другие, если бы мы только на минуту подумали, что в основе изображения Аполлона и изображения Зевса лежит лишь одна из многих других инкарнаций, то мы неправильно почувствовали бы произведение греческого искусства. Тут мы должны суметь забыть, что человек воплощался в следовавших одна за другой инкарнациях. Тут личность

вылита целиком в форму *одной* личности. И такова была вся жизнь греков.

Если же мы пойдем дальше назад, то формы станут символическими, формы укажут на что-то, что не есть чисто человеческое, выразят нечто такое, что человек не чувствует еще в себе самом. Он мог выражать только в символах то, что приходило из божественно-духовных миров. Отсюда древнее символизирующее искусство. И посмотрим опять-таки, как приходит искусство как раз к тому народу, который должен дать материал для нашего, для пятого культурного периода, - нам надо только представить себе старое немецкое искусство, - и мы увидим, что имеем дело не с символикой, но и не с проявлением чисто человеческого, а с углубившимся в себя душевным. Мы видим, как душевное словно не может целиком войти в человеческий облик. Кто бы мог иначе охарактеризовать образы Альбрехта Дюрера, чем сказав, что в них то, что стремится в человеке к сверхчувственному миру, находит, можно сказать, лишь несовершенное в греческом смысле выражение во внешнем строении телесности? Отсюда углубление в направлении душевного, чем дальше идет искусство. И теперь вам уже не покажется непонятным то, что я сказал в первой лекции: то, что было воплощено раньше, являлось в физическом мире подобно отображению, в индивидуальность втекали существа высших иерархий. Поэтому, говоря о человеке греческого мира, что он был воплощен в более ранние эпохи, мы должны видеть не только это замкнутое существо, но и стоящую позади него индивидуальность какой-либо высшей иерархии. Так, в греко-латинский период предстает перед нами Александр, так предстает перед нами Аристотель. Если мы проследим их индивидуальности в обратном направлении, то от Александра мы должны вернуться к Гильгамешу и сказать: в Гильгамеше заключена та индивидуальность, которая затем появляется спроецированной на физический план как Александр; позади неё мы должны видеть духа Огня, который пользуется ею как своим орудием. И в Аристотеле мы видим, двигаясь во времени назад, силы древнего ясновидения, действовавшие в друге Гильгамеша. Таким образом, как молодую, так и старую души, за которыми ранее стояло ясновидение, мы видим поставленными в греческую эпоху всецело на физический план. Совсем особенно это выступает перед нами в великом математике Гипатии, в которой вся математическая и философская мудрость ее времени жила, так сказать, как личная возможность, как личная научность и мудрость. Все это было заключено в личности Гипатии. И мы еще увидим, что эта индивидуальность должна была стать как раз женщиной, чтобы выявить такую мягкую замкнутость всего того, что она раньше восприняла в орфических мистериях, чтобы выявить как личный образ действий все то, что она восприняла от инспираторов в качестве ученика орфических мистерий.

Таким образом мы видим, как влияния духовного мира выступают, модифицируя следующие одна за другой человеческие инкарнации. Я могу указать только на то, что как раз индивидуальность, которая была воплощена как Гипатия, которая, следовательно, несла в себе мудрость орфических мистерий и выявила ее лично, была призвана в одной из последующих инкарнаций вступить на обратный путь - вознести опять всю личную мудрость к божественно-духовному. Поэтому приблизительно на рубеже XII и XIII веков Гипатия¹¹ появляется вновь как выдающийся, всеобъемлющий и универсальный ум Новой истории, который имеет большое влияние на то, что является соединением естественнонаучного и философского знания. Таким образом мы видим, как проникают в следующие друг за другом инкарнации отдельных индивидуальностей исторические силы.

Когда мы так рассматриваем ход истории, тогда мы видим действительно своего рода нисхождение с духовных высот вплоть до греко-латинской эпохи и затем опять-таки восхождение. Мы видим накапливание добываемого чисто на физическом плане материала в греческую эпоху, - это, конечно, продолжается и в наше время, - и обратное возношение его в духовный мир, для чего и должна дать импульс духовная наука и к чему имела уже инстинктивный импульс такая личность, как Гипатия, которая была воплощена вновь в XIII веке²⁰.

На этом месте я хотел бы, мои дорогие друзья, -ввиду того, что интернациональное Теософское общество есть в некотором отношении собрание всяческих недоразумений, - я хотел бы указать на то, что бесконечно многое из этих недоразумений в действительности высосано из пальца. Так, например, то, что излагается здесь в нашем немецком теософском движении, хотели бы противопоставить тому, что было откровением теософского движения в новейшее время первоначально. Поэтому я пользуюсь здесь случаем указать, как то, что дается здесь из первоначального розенкрейцерского источника, находится в гармонии со многим из того, что было дано теософскому движению как раз первоначально. И как раз сейчас у нас есть повод указать на нечто в этом роде.

Итак, мною было сказано и развито совершенно независимо от традиций, что определенные позднейшие исторические лица являются как бы тенью прежних, изображаемых в мифах личностей, за которыми стоят высшие иерархии. Это нельзя считать расхождением с теми сообщениями, которые были даны Теософскому обществу через *Е. П. Блаватскую*. Ибо иначе можно по чистому недоразумению очень легко прийти в противоречие с добрыми старыми учениями, которые притекали в теософское движение через *Е. П. Блаватскую*, как через весьма пригодное для сего орудие. В связи с тем, что развивалось здесь, я хотел бы вам прочесть одно место из более поздних произведений *Е. П. Блаватской*, где она указывает на "Изиду без покрывала", свое самое старое оккультное произведение. Я хотел бы прочесть вам следующее место, чтобы вы видели, как поистине то, что говорится о таком расхождении, в сущности, - я не могу сказать иначе, - высосано из пальца.

"Кроме постоянного повторения старой, всегда пребывающей истины реинкарнации и кармы, - при чем так, как тому учила древнейшая наука мира, а не современный спиритизм, - оккультисты должны были бы учить о циклической и идущей в ногу с эволюцией реинкарнации, тому роду перевоплощения, таинственного и еще непонятного для многих, не знающих ничего из истории Земли, на который мы осторожно указали в "Изиде без

покрывала". Всеобщее перевоплощение для каждого индивидуума с промежутками Кама-локи и Девахана - и циклическая сознательная инкарнация с великой и божественной целью для немногих. Те великие характеры, которые как великаны, возвышаются в истории человечества, подобно Сидхарту Будде и Иисусу в духовной области, подобно Александру Македонскому и Наполеону Великому в области физических завоеваний, суть не что иное, как отраженные образы великих пра-образов, которые существовали не за десятки тысяч лет, как об этом осторожно было упомянуто в "Изиде без покрывала", а в продолжение миллионов лет подряд с начала Манвантары. Ибо, как было объяснено выше, за исключением действительных аватаров, эти отображения своих праобразов, из которых каждый соответствует своему, породившему его пламени, суть те же самые непреломленные лучи (монады), называемые дэвами, Дхиан-Коганами или Дхиан-Буддами или еще планетарными Духами и т. д., которые в зонах вечности светят в качестве их праобразов. По их подобию рождаются некоторые люди, и, когда намечается какая-либо особая общечеловеческая цель, они гипостатически одушевляются своими божественными праобразами, которые снова и снова выявляются сокровенными силами, направляющими и руководящими судьбами нашего мира.

В то время, когда "Изида без покрывала" писалась, сказать больше было нельзя, поэтому сказанное ограничивалось только замечанием, что в анналах как священной, так и светской истории не существует ни одного выдающегося характера, чей праобраз мы не могли бы найти в полулегендарных, в полуправдивых преданиях минувших религий и мифологий. Как звезда, которая в беспредельности неба в неизмеримом отдалении сияет над нашими головами, отражаясь в тихих водах озера, так и образы человечества допотопных времен отражаются в тех периодах времени, которые мы можем охватить обращенным назад в историю взором".

Как уже было сказано, я не пропускаю случая подчеркнуть соответствие того, что мы можем исследовать непосредственно в настоящее время, тому, что было в известном отношении первоначальным откровением. Вы ведь знаете, что здесь существует принцип в определенном отношении крепко держаться традиций теософского движения; но также - что здесь ничто не повторяется непроверенным, это я особенно подчеркиваю, в этом все дело. Там, где можно подчеркнуть согласие одного знания с другим, это должно быть сделано решительно ради преемственности в Теософском обществе, по справедливости; но непроверенным ничто просто повторяться не должно. Это связано с миссией, которую мы имеем как раз в нашем немецком теософском движении, а именно: внести собственный вклад, индивидуальный вклад в это теософское движение. Но как раз такие примеры могут дать вам образ того, как необоснованно предубеждение, которое вырастает то тут, то там, будто мы всегда хотим во что бы то ни стало иметь в вещах что-то иное. Мы преданно работаем дальше, а не ворошим беспрестанно, так сказать, старые догмы, мы рассматриваем и то, что предлагается сегодня с другой стороны. И мы отстаиваем то, что может быть сказано по чисто оккультной совести на основании первоначальных оккультных исследований и тех методов, которые нам переданы нашими собственными святыми традициями Креста и Розы.

Крайне интересно показать на отдельной личности, как то старое, что было внесено в человечество под влиянием высших сил, принимает у людей греко-латинской эпохи, так сказать, обусловленный физическим планом характер. Тут мы можем привести в качестве примера, как Эбани в той из его инкарнаций, которая лежит в промежутке между личностью Эбани и Аристотеля²², под влиянием древних учений мистерий с их силами, нисходящими из сверхчувственных миров, мог воспринять то, на чем строится, собственно, в некоторых школах мистерий дальнейшее развитие человеческой души. Мы не будем теперь повторять то, что было характерной особенностью различных мистериальных школ, мы обратим наш духовный взгляд на одну из их разновидностей, на ту, где душа через возбуждение вполне определенных чувств развивалась, учась проникать в сверхчувственный мир. В таких мистериях вызывались именно те ощущения в душе, те импульсы, которые были способны искоренить в ней до основания всякий эгоизм. Душе открывалось, что она, в сущности, должна быть эгоистичной все время, пока она воплощена в физическом теле. Весь объем и все значение эгоизма в его импульсах на физическом плане обрушивались, так сказать, на данную душу, и глубоко, глубоко подавленной чувствовала себя такая душа, которой приходилось говорить себе: до сих пор я не знала ничего иного, кроме эгоизма, ведь я не могу быть ничем иным в физическом теле, как эгоистом. Да, насколько далека была такая душа от дешевой точки зрения тех людей, которые через каждое слово говорят: "Я хочу это не для себя, а для других". Преодолеть эгоизм и усвоить стремление к общечеловеческому и космическому не так просто, как некоторые себе представляют. Этому усвоению должно предшествовать глубокое потрясение души перед объемом эгоизма, заключенного в импульсах этой души. Состраданию ко всему человеческому, ко всему космическому должна была учиться душа в тех мистериях, о которых я здесь говорю, состраданию через преодоление физического плана. Тогда можно было надеяться, что она принесет из высших миров истинное сочувствие ко всему живому и всему сущему.

Но еще другое должно было быть развито как основное чувство, наряду со многим другим. Когда человеку надлежит проникнуть в духовный мир, ему должно быть ясно, что там все иное, чем в физическом мире. Нужно стоять как перед полностью неизведанным, когда стоишь лицом к лицу перед духовным миром. Тут действительно есть чувство, из-за которого попадали в опасность, чувство страха перед неизвестным. И потому в таких мистериях душа должна была переживать все, что душа человека вообще могла пережить как страх и боязнь, испуг и ужас, чтобы отвыкнуть от чувств боязни и страха, испуга и ужаса. Тогда человек бывал вооружен для того, чтобы подняться в неведомый ему по своему содержанию духовный мир. Таким образом, душа ученика

мистерий должна была через воспитание дойти до всеобъемлющего, универсального чувства сострадания и до универсального чувства бесстрашия. Это проходила каждая душа в тех древних мистериях, в которых принимал участие Эбани, когда он появился вновь в той инкарнации, что лежит в промежутке между Эбани и Аристотелем. Он также прошел через это. И вот, как воспоминание о более ранних инкарнациях это выявилось у Аристотеля. Он мог дать теорию трагедии, так как при созерцании греческой трагедии он был приведен этими воспоминаниями к тому, что в ней заключен отзвук, словно внешний, вынесенный на физический план отзвук того мистериального воспитания, когда душа очищается через сострадание и страх. Потому драматический герой и все построение трагедии должны были выявлять перед зрителями нечто, на основе чего зритель в ослабленном виде мог бы пережить сострадание к судьбе героя трагедии и страх перед исходом его судьбы, перед полной ужаса смертью, которая ему грозит. Таким образом, в драматическое развитие действия, в жизнь и движение трагедии было воткано то, что происходило в душе древнего миста: очищение, катарсис через страх и сострадание. И как отзвук [мистерий] на физическом плане должен был ощутить человек, принадлежавший к греческому культурному периоду, прохождение через страх и сострадание. Надо было художественно пережить, эстетически насладиться тем, что было ранее великим принципом воспитания. И когда то, чему Аристотель научился в прежних инкарнациях, вошло в его личность, он стал тем человеком, который был способен дать то единственное определение трагедии, которое стало классическим и действовало столь сильно, что еще в XVIII веке оно было воспринято Лессингом и в течение всего XIX века играло такую роль, что об этом определении написаны целые библиотеки. Впрочем, не много было бы потеряно²³, если бы большая часть того, что находится в библиотеках, сгорела. Сгорело, потому что оно было написано с полнейшим непониманием только что сказанного, того, что в искусство проецируется нечто, что заключено в духовном, и те, которые писали это, не подозревали, что Аристотель открывал древнюю тайну мистерий²⁴, когда говорил: "Трагедия - это связь последовательных действий, которые группируются вокруг одного героя и которые способны вызвать в зрителе чувство страха и сострадания, чтобы в душе зрителя могло наступить очищение".

Таким образом, мы видим, что в отдельной личности, в том, что она волит и гласит, заключена тень того, что становится понятным только тогда, когда мы сквозь личность прозреваем стоящего за ней инспиратора. Только когда вы рассматриваете историю так, вы можете видеть, что значит личность и что значат сверхлические силы для исторической жизни, как в индивидуальных инкарнациях происходит нечто, что Блаватская²¹ называет взаимодействием личных, индивидуальных инкарнаций с тем, что она описывает, говоря: "но наряду со старой, всегда непреложной истиной о реинкарнации и карме оккультисты должны были бы учить о циклической и идущей в ногу с эволюцией реинкарнации" и т. д. Она называет это сознательной реинкарнацией, так как для большинства людей сегодня последовательные инкарнации все-таки остаются бессознательными для их "я", тогда как духовные силы, которые действуют свыше, в самом деле с полным сознанием переносят циклически свои силы из одной эпохи в другую.

Значит, откровение того, что Блаватская высказывала, исходя из розенкрейцерских мистерий в свой первый период, вполне может быть проверено и установлено непосредственным исследованием. Но отсюда вы увидите, что удобный способ понимать одну инкарнацию только как следствие предыдущего воплощения, существенно модифицируется, и вы поймете, что реинкарнация есть гораздо более сложный мир фактов, чем это обыкновенно думают, и что мы понимаем его вполне только тогда, когда сопричисляем человека к высшему сверхфизическому миру, который постоянно воздействует на наш мир.

Мы можем сказать, что в тот промежуток времени, который мы называем греко-латинской культурой, человеку было дано время пережить еще раз чисто человеческим "я" все, что из высших миров было вложено в душу в течение долгого ряда инкарнаций. То, что выявлял во всей полноте греко-латинский мир, было как бы человечески-личным выявлением бесконечных воспоминаний, которые раньше были вложены высшими мирами в эти же индивидуальности. Можем ли мы поэтому удивляться, что как раз наиболее значительные умы греческого мира особенно сознают это? Они говорили, заглядывая в свой внутренний мир: "Здесь изливаются, здесь простираются в нашу личность миры, но это - воспоминания о том, что было влито в нас духовными мирами раньше". Прочтите у Платона, как он сводит все то, что человек может пережить, к воспоминанию души о ее прежних переживаниях. Тут вы увидите, из какого глубоко реального сознания четвертой послеатлантической эпохи черпал такой ум, как Платон. Научиться понимать, что значит отдельное высказывание столь выдающейся личности, мы можем, только если умеем оккультно заглянуть в дух эпохи.

Лекция четвертая
Штутгарт, 30 декабря 1910 г.

Мои дорогие друзья!

Из указаний, сделанных в последние дни, вы сможете сделать вывод, что греко-латинская культура в известном отношении стоит посередине всей послеатлантической культуры. Три предшествовавшие культурные эпохи были как бы подготовкой к той работе человеческой души, "я" в "я", на которую мы указали, говоря о

греческой культуре. Подобно нисхождению от ясновидческих созерцаний к чисто человеческому восприятию греков выглядят древнеиндийская, персидская, египетская культуры. Подобным обратному восхождению, достижению вновь ясновидческих культур должно явиться нам то, что начинается с нашего времени и что во все возрастающей мере должно быть достигнуто для человечества в ближайшие столетия и тысячелетия. Таким образом, мы должны сказать: в египетско-вавилонско-халдейском культурном периоде мы имеем последнюю, так сказать, подготовку к чисто человеческой культуре Греции.

Тогда, в третьем послеатлантическом периоде, человек словно спускается вниз из древних ясновидческих состояний, благодаря которым он мог еще принимать непосредственное участие в духовном мире, и подготавливает чисто личную, чисто человеческую культуру, характеризующуюся работой души, которую можно назвать именно работой "я" в "я". Потому и оказывается, что связанное с ясновидческой культурой видение более ранних инкарнаций стало неотчетливым, расплывчатым, прежде всего для Гильгамеша, основателя вавилонской культуры, так что он сам уже не мог разобраться там, где Эабани как бы по наследству передал ему определенные способности, чтобы оглянуться на прежние инкарнации. И в полном соответствии с этим ниспадением с духовных высот и втягиванием в чисто личную жизнь отдельного человека, в полном соответствии с этой особенностью вавилонской души действует все то, что мы видим переданным последующим поколениям благодаря работе этих душ в Вавилоне.

Если мы хотим рассматривать историю оккультно, то ведь мы должны сказать, что нам все больше и больше напрашивается мысль, что в своей работе, в своем культурном творчестве народы отнюдь не находятся изолированно в мировом развитии, в движении человечества вперед. Каждый народ имеет свою духовную задачу, он должен внести вполне определенный вклад в то, что мы называем человеческим прогрессом. Ведь ныне наша культура является уже совсем сложной; и она стала столь сложной благодаря слиянию многих отдельных культурных течений. Мы имеем в нашей нынешней духовной жизни и в нашей внешней жизни слияние самых разнообразных народных культур, которые созидались более или менее односторонне отдельными народами в духе их миссий и которые затем слились в общий поток. Поэтому все народы отличаются друг от друга, поэтому мы можем говорить об особой миссии каждого из них. И мы можем спросить: что можем мы, имея в нашей собственной культуре культурную работу наших предков, обнаружить сегодня такого, что покажет нам, что мог дать тот или иной народ для общечеловеческого прогресса? Весьма интересно остановиться как раз на культурной задаче вавилонского народа.

О, этот народ Вавилона! Даже внешнему историку он задал удивительные загадки в последнем столетии благодаря дешифровке клинописи²⁵. Даже то, что удалось разгадать только внешне, в высшей степени примечательно. Ибо сегодня внешний исследователь может сказать: то, что раньше называлось историей, по времени почти удвоилось благодаря тому, что узнали при дешифровке клинописи. Уже внешнее историческое исследование на основе внешних источников взирает назад на эпоху прямо-таки в пять-шесть тысяч лет до христианского летоисчисления и может сказать: во все это время в областях, в которых позднее действовали вавилоняне, ассирийцы, существовала мощная, глубоко значительная культура. Там мы встречаем, прежде всего в древнейшие времена, в высшей степени своеобразный народ; в истории он называется шумерами. Он обитал в области Тигра и Евфрата, главным образом, в верхнем их течении, хотя жил и в нижнем. Мы не можем, так как для этого у нас нет времени, останавливаться на внешних исторических источниках, мы должны заняться более тем, что может нам преподать оккультная история.

Этот народ со всем тем, что он мыслил и духовно творил, а также и с тем, что он совершал внешне, принадлежал к сравнительно очень ранней ступени культуры послеатлантического развития. И чем дальше мы пойдем в истории шумеров, которых мы можем назвать пра-вавилонянами, тем более нам будет становиться ясно, что в этом народе жили духовные предания высокого значения, что существовала великая спиритуальная мудрость, которую мы, пожалуй, можем охарактеризовать, сказав: весь строй жизни, весь образ не только мышления, но вообще жизни в душе и духе был у этого народа совсем иным, чем у людей в более поздние эпохи мировой истории.

У людей более поздних эпох мировой истории обнаруживается, например, всюду некоторая дистанция между тем, что думается, и тем, что говорится. Кто не знает сегодня, что мышление и речь - это две совершенно разные вещи, что речь в известном отношении состоит из условных способов выражения того, что человек мыслит? Это ясно уже из того, что мы имеем много различных языков и, в сущности, выражаем множество общих всем представлений на этих различных языках Земли, так что существует известный зазор между мышлением и речью. Не так было у этого древнего народа; его язык находился, в сущности, в совершенно ином отношении к душе, чем все более поздние языки. Именно, если мы вернемся к очень древним временам, то мы действительно найдем там нечто, - если и не во всей чистоте сохранившееся, - вроде первичного языка человечества. Правда, языки отдельных племен и рас на всем пространстве Европы, Азии и Африки мы найдем уже в известном отношении дифференцированными, но своего рода общий элемент речи, который мог быть понятным на всем тогда известном земном круге, разумеется, более глубокому духовному человеку, существовал как раз у шумеров. Почему это было так? Потому что душа этих людей при тоне, при звуке чувствовала нечто вполне определенное и должна была выражать однозначно, что может быть почувствовано при какой-нибудь мысли и в то же время при звуке. Все это я хотел бы выразить прежде всего так: даже еще в тех именах, которые

я приводил, излагая эпос о Гильгамеше, даже еще там существуют необычные звуки: Иштар, Ишулану и тому подобное. Когда произносят эти звуки и знают значение звука в оккультном отношении, то знают, что, в сущности, эти имена не могут содержать иных звуков, если они должны обозначать данные существа, потому что *У, И, А* могут однозначно относиться лишь к чему-то вполне определенному. В том ведь и состояло дальнейшее движение языка, что люди потеряли чувство того, что эти вещи, звуки, - согласные, гласные - могут относиться к чему-то однозначным образом, тогда как в эти древние времена вещь нельзя было обозначить иначе, как не совершенно определенной совокупностью звуков.

В сущности, как теперь мы не можем, имея в виду одну и ту же вещь, иметь о ней в Германии иную мысль, чем в Англии, так и тогда люди, обладая еще непосредственным духовным, древним чувством звука, не могли обозначить какую-нибудь вещь или существо иначе, чем одинаковой совокупностью звуков. Так что язык в древние времена, - а в древнем шумерском языке был отзвук этих древних времен, - был чем-то совершенно определенным, так что он просто по природе души был понятен тем, кто его слышал.

Когда мы таким образом говорим о языке, мы должны обратиться к самым первым временам послеплатанических культур. Но затем народ Вавилона имел как раз своей задачей низвести эту живую духовную связь человека с духовным миром в личное, туда, где личность опирается сама на себя в своей единичности. Это было задачей вавилонян - низвести духовный мир на физический план. И с этим связано, что это живое чувство, это духовное чувство языка прекращается, и язык применяется к климату, к географическому положению, народу и тому подобному. Поэтому Библия, которая об этих вещах рассказывает нечто гораздо более верное, чем вымыслы Фрица Маутнера, называющего себя исследователем языка, изображает эти важные факты в виде вавилонского столпотворения, когда все люди, говорившие на общем языке, были рассеяны по земле. И это вавилонское столпотворение²⁶ мы можем понять духовно, если мы знаем, как в древние времена строили. Такие здания, которые строили с целью предпринять определенные, посвященные святой мудрости действия или которые должны были быть знаменем святых истин, такие здания строились в древние времена в тех единицах измерения, что были взяты или у Неба, или у человека. А это, в сущности, то же самое, ибо человек как микрокосм есть повторение Макрокосма, так что единицы измерения, которые чудесным образом внесены в пирамиды, взяты у Неба и у человека.

Значит, если бы мы могли вернуться в древние времена, в сравнительно ранние эпохи, то мы бы нашли повсюду в культовых постройках символическое подражание человеческим или небесным пропорциям. Длина, ширина и глубина, характер того, как архитектурно формировалось внутреннее пространство, все это слагалось согласно небесным пропорциям или пропорциям человеческого тела. Но было это так: там, где существовало живое сознание связи человека с духовным миром, пропорции брались из духовного мира. Чем должно было стать это в то время, когда человеческое познание должно было быть низведено, так сказать, с Неба на землю, от общего духовно-человеческого к человечески-личному? Тут единицы измерения брались преимущественно у самого человека, у человеческой личности, поскольку она есть выражение отдельного "я"(Ichheit).

Это должна была выразить Вавилонская башня, место культа для тех, кто должен был брать единицу измерения преимущественно от личности. Но в то же время должно было быть показано, что личность станет зрелой лишь постепенно, дабы подняться вновь в духовные миры. Мы видели, что сначала должны были быть пройдены четвертый и пятый периоды, прежде чем вновь мог начаться подъем. Тогда подняться в духовные миры так попросту было невозможно. Это подразумевалось иод тем, что вавилонское столпотворение не удалось, что достигнуть Неба было еще нельзя посредством того, что можно было взять из человеческой личности. Бесконечно глубокое заключено в этом мировом символе, в вавилонском столпотворении, из-за которого люди стали ограничены отдельной человеческой личностью, тем, чем личность могла стать в каком-либо народе при особых условиях.

Таким образом, вавилоняне были направлены из духовного мира на пашу землю, там была их миссия, там была их задача. Но, как я уже упоминал, в основе внешней вавилонской культуры лежала халдейская мистериальная культура, которая, оставаясь эзотерической, все же совершенно определенным образом вливалась во внешнюю культуру. Поэтому мы видим, как еще повсюду просвечивает древняя мудрость в том, что вавилоняне взяли в качестве системы мер. Но они должны были делать это так, чтобы это не восходило вместе с ними в духовные регионы, а чтобы они применяли это на земле. То, что таким образом было заключено в миссии вавилонян, вошло в культуру и дошло до наших дней. Мы можем это показать.

Мы должны здесь почувствовать уважение перед тем все еще мощным видением в духовных мирах, которое поддерживалось в душах древними традициями и лишь погрузилось в сумерки. Мы должны почувствовать уважение перед глубоким знанием Неба вавилонян и перед их великой миссией, состоявшей в том, чтобы из того, что было известно человечеству благодаря духовному миру, из небесных соотношений взять все то, что необходимо было включить в человеческую культуру ради практической внешней жизни. В то же время их задачей было поставить все это в связь с человечеством. И интересно, что вплоть до нашего времени дожили известные представления, которые были словно отзвуком тех своеобразных чувств, что еще живо ощущали вавилоняне - чувства излитости всего Макрокосма в человека, законосообразности земного личного человека, который воспроизводит великие законы Неба.

Так, в древнем Вавилоне существовало изречение²⁷, которое гласило: "Посмотри на человека, который идет не как старик и не как дитя, идет, как здоровый, а не как больной, не слишком скоро бежит и не слишком медленно шагает, и ты увидишь меру солнечного движения". Поразительное изречение, но оно может нас глубоко, глубоко ввести внутрь души древних вавилонян. Ибо они представляли себе, что человек с хорошим, здоровым шагом, человек, который в своей ходьбе придерживается скорости, проистекающей из здоровой жизни, что такой человек, если бы он шел не слишком скоро и не слишком медленно вокруг Земли, нуждался бы для такого обхода в $365 \frac{1}{4}$ днях, и так это приблизительно и есть, предполагая, что он странствует непрерывно день и ночь. Итак, они говорили, что время, в которое человек мог бы обойти Землю, и есть то же самое время, в которое, - ибо они верили в кажущееся движение Солнца вокруг Земли, - Солнце обходит Землю. Значит, если ты идешь, как здоровый человек, не слишком скоро и не слишком медленно вокруг Земли, то ты следуешь скорости движения Солнца вокруг Земли. Это значит: "Человек, это принадлежит твоему здоровью - следовать движению Солнца вокруг Земли". Это, конечно же, нечто, что может нам внушить уважение перед мощным космическим мирозерцанием вавилонян. Потому что, исходя отсюда, они создали затем деление на части этого шествия человека вокруг Земли. Они исчисляли определенными величинами и получили тогда нечто, что приблизительно составляет путь, который человек пройдет, если будет идти два часа, а это равняется миле. Они вычислили эту меру согласно здоровой ходьбе и приняли ее за эталон меры, чтобы измерять большие поверхности. И до недавнего времени, пока все в человеческом развитии не погрузилось в абстрактное, эта мера, мои дорогие друзья, существовала в немецкой миле, которую можно пройти приблизительно в два часа. Таким образом, до XIX века сохранялось нечто такое, что происходило из миссии древних вавилонян, взявших это у космоса, вычисливших это, согласно ходу Солнца.

Только нашему времени было необходимо свести эти, заимствованные от человека, единицы измерения к абстрактным единицам измерения, взятым из мертвого. Ибо ведь известно, что современное измерение абстрактно по сравнению с конкретными, исходящими непосредственно от человека и небесных явлений единицами измерения, которые все, в сущности, восходят к миссии древних вавилонян.

Также и с другими единицами измерения, например, с футом, который был взят от человеческой конечности, или локтем - его измерили по человеческой руке; всюду мы можем найти, что в основе лежит нечто, что было найдено как закономерность в человеке, в микрокосме. И, в сущности, еще недавно в основе нашей системы измерения лежал весь склад мышления древних вавилонян. Двенадцать знаков Зодиака и пять планет дали им $5 \times 12 = 60$; это основное число. Древние вавилоняне считали вообще до шестидесяти. После шестидесяти они начинали с начала. Во всем, что они считали в повседневных вещах, они клали в основание число двенадцать, которое, выйдя из законов космоса, фактически гораздо более конкретно применимо ко всем внешним конкретным отношениям. Ибо число это имеет двенадцать частей. Ведь двенадцать было дюжиной, а дюжина не что иное, как дар из миссии вавилонян. У нас всюду лежит в основе число десять, число, которое готовит нам большие трудности, если мы хотим разложить его на части, тогда как дюжина по своему отношению к шестидесяти и в своей различной делимости как основа системы счисления и измерения в высокой степени приноровлена к конкретным отношениям. Это не должно быть критикой нашего времени, если говорится, что человечество впало в абстрактное даже по отношению к счету и вычислению, ибо одна эпоха не может ведь делать то же самое, что и предыдущая. Если мы хотим изобразить движение культуры от атлантической катастрофы до греческой эпохи и оттуда дальше через нашу, то мы можем сказать: индийская, персидская, египетская культуры опускаются вниз [на землю]; в греческой культуре находится тот пункт, когда вырабатывается чисто человеческое на физическом плане; затем опять начинается подъем. Но этот подъем таков, что он представляет собой, так сказать, лишь одну ветвь действительного развития и что, конечно, с другой стороны налицо продолжающееся погружение в материализм. Поэтому мы имеем в наше время, наряду с энергичным духовным стремлением вверх, резко выраженный материализм, который глубоко погружается в материю. Эти вещи, конечно, идут рядом. Материалистическое движение должно существовать как противодействие, которое надо победить для развития более высокой силы. Но все делается абстрактным в духе этого течения, ибо вся десятичная система есть абстрактная система. Это не критика, а только характеристика. И подобным образом хотят преодолевать конкретное и в остальном. Какие только предложения ни делались! Например, перенести празднование Пасхи на определенный день в апреле, чтобы избежать неудобств для торговли и промышленности! Не считаются с тем, что здесь мы имеем еще нечто, что идет в своем установлении в соответствии со звездным небом из древних времен. Все должно вылиться в абстрактное, и лишь как тонкий ручей втекает в нашу культуру конкретное, которое устремляется опять к духовному.

Чрезвычайно интересно, что не только в духовной науке, но и за пределами ее, человечество инстинктивно подталкивается к движению вверх, к восхождению опять, скажем, к такому же приноравливанию к мере, числу и форме, как это было у древних вавилонян и египтян. Ибо, действительно, в наше время происходит своего рода повторение вавилонской и египетской культур. Ведь периоды прошлого повторяются: египетский период в нашем, персидский - в шестом, индийский - в седьмом периоде. Первый соответствует седьмому, второй шестому, третий нашему, пятому периоду, а четвертый стоит сам по себе, образуя середину. Потому инстинктивно повторяется столь многое из того, что было воззрением древних египтян. Тут могут происходить примечательные вещи. Люди могут быть целиком погрязшими в крайне материалистических представлениях, крайне ма-

териалистических понятиях и все-таки под давлением фактов - не через естественнонаучные теории, ибо они теперь все материалистические - могут быть приведены к духовной жизни.

Так, например, есть один очень интересный берлинский врач, который сделал замечательное наблюдение. Я хочу вам показать это здесь на доске. Итак, это наблюдение чисто фактическое, сделанное независимо от каких-либо теорий. Допустим, что в этой точке [рисунок не сохранился] нам схематически была бы дана дата смерти какой-нибудь женщины. Итак, я отмечаю не что-нибудь выдуманное, но то, что было наблюдаемо. Эта женщина - бабушка одной семьи. За определенное число дней до смерти этой бабушки рождается внук, число дней составляет 1428. Удивительным образом спустя 1428 дней после смерти бабушки рождается опять внук, а правнук рождается через 9996 дней после смерти бабушки. Если вы разделите 9996 на 1428, то получите 7. То есть, в промежуток времени, который есть промежуток между рождением внука и смертью бабушки, помноженный на 7, рождается правнук. И вот этот самый врач показывает, что это не единичный случай, но что исследуя целые семьи, встречаешься с абсолютно определенными числовыми отношениями относительно смерти и рождения. И самое интересное то, что если вы, например, возьмете число 1428, то оно опять-таки делится на 7 без остатка. Одним словом, ныне факты принуждают людей к тому, чтобы в последовательности внешних событий опять обретать определенную правильность, периодичность, которая связана с древними священными числами.

И уже сегодня число данных этого рода, фактически сопоставленных *Флиссом* - это имя берлинского врача - и его учениками, служит доказательством того, что вполне определенные числа являются регулятивными факторами, которые управляют закономерным протеканием таких событий. Эти сопоставления чисел имеются теперь уже в подавляющем количестве. При этом интерпретация их вполне материалистическая, но сила фактов заставляет верить в действие чисел в явлениях мира. Я особенно подчеркиваю, что крайне неверно то, как используют еще этот принцип Флисс и его ученики. То, как он применяет свои основные числа, а именно 23 и 28, которые он тоже находит ($28 = 4 \times 7$), как он применяет эти числа, должно будет подвергнуться еще многократным улучшениям. Все же в таком исследовании мы видим нечто вроде инстинктивного выявления древнеавилонской культуры в ходе подъема человечества. Конечно, большинство людей не имеют ощущения, не имеют понимания таких вещей; они остаются разрозненными в более узких кругах. Но нам должно показаться примечательным, что люди, которые находят подобные вещи, - как, например, ученики Флисса, - получают затем своеобразные мысли и чувства. Так, один из учеников Флисса²⁸ говорит: "Если бы эти вещи были известны в древние времена, - а они и были известны, - то что сказали бы те люди?". И особенно характерным кажется мне следующее место. Сопоставив многое таким образом, ученик Флисса говорит: "Здесь из природы берутся временные промежутки самой ясной математической структуры, но даже одаренным, привыкшим к гораздо более трудным вещам умам всех времен такие вещи были недоступны. С каким религиозным рвением исследовали бы это производившие свои вычисления вавилоняне и каким волшебством облекли бы они эти вопросы!".

Итак, насколько уже предугадывают то, что происходит в действительности! Как опять работает в направлении духовной жизни инстинкт людей! Но как раз там, где ходовая наука нашего времени обыкновенно слепо проходит мимо, как раз там всячески надо искать то, что проливает глубокий свет на оккультную силу, которую люди совсем не сознают. Ибо те, которые указывают здесь на этот своеобразный закон чисел, объясняют его совершенно материалистически, а сила фактов заставляет людей уже теперь признавать вновь духовную, математическую закономерность в вещах. Таким образом, мы видим, в действительности, как глубоко верно, что, в сущности, все то, что позднее в ходе развития человечества выражается личным образом, является подобным тени того, что существовало раньше в элементарном, первоначальном величии, ибо еще существовала связь с духовным миром.

Чтобы это запечатлелось в ваших душах, я хотел бы подчеркнуть, что вавилоняне при переходе их к четвертому культурному периоду и были теми, кто должен был свести Небо на землю, должен был внести небесное в меру, число и вес; что до наших дней мы чувствовали отзвуки этого и что мы опять вернемся к этой технике счисления; что она должна все больше и больше добиваться признания, хотя в других областях жизни абстрактная система чисел и измерения, разумеется, верпа. Таким образом, мы опять можем и здесь увидеть, как при схождении вниз в греко-латинской культуре был достигнут определенный пункт чисто человеческого выражения личности на физическом плане и как затем снова имеет место подъем. Так что, действительно, по отношению к ходу послеплатонического культурного развития Греция стоит как бы посередине.

Теперь нам надо припомнить, что в эту греческую эпоху включается импульс христианства, который должен все больше и больше возводить людей в другие регионы. Но мы уже видели, что это христианство в первые времена своего развития не выступило сразу во всем своем значении, со всем своим духовным содержанием. Мы показали на обращении людей Александрии с Гипатией, какими слабостями и теневыми сторонами было отмечено вначале христианство. Да, мы часто подчеркивали, что времена, когда христианство поймут во всей его глубине, еще только грядут, что христианство заключает в себе еще бесконечные глубины и что оно, так сказать, принадлежит более будущему, чем настоящему, не говоря уже о прошлом человечества. Таким образом, мы видим, как то, что находится в христианстве в начале, оказывается среди того, что, в сущности, содержит наследие мудрости и духовности древнейшего мира. Ибо то, что приняла в себя Греция, что

она в себе несла, было действительно как бы наследием того, что люди приобрели в бесчисленных инкарнациях через живую связь с духовным миром. Вся духовность, которая была пережита в древности, погрузилась в души и сердца греков и проявлялась во всей полноте в них. Поэтому мы можем понять, что могли быть люди, которые при вхождении христианства в жизнь, особенно ввиду того, что случилось из христианского импульса в первые столетия, не могли ценить это событие так высоко, как то грандиозное величие, грандиозную духовность, которая как древнее тысячелетнее наследие была унаследована в Греции. Особенно характерной была одна личность, которая, так сказать, в своей собственной груди переживала эту борьбу старого с новым, борьбу древнейших сокровищ мудрости, древнейших духовных сокровищ с тем, что было лишь в начале своего развития и лишь слабо было слышно. Этой личностью греко-латинской эпохи в четвертом веке, которая переживала все это на арене своей души, был *Юлиан Апостата*²⁹ (*Отступник*).

Интересно проследить жизнь Юлиана, римского императора. Родившемуся в качестве племянника тщеславного и мстительного императора³⁰, Юлиану, собственно, уготовано было еще ребенком быть умерщвленным вместе со своим братом. Его оставили в живых только потому, что думали, что с его убийством все-таки поднимется слишком большой шум, и что надеялись, что впоследствии всегда можно будет устранить вред, который он мог бы причинить. Среди различных скитаний от одного круга людей к другому должен был проходить свое воспитание Юлиан. И строго следили за тем, чтобы он принял в свою душу то, что, по соображениям целесообразности, было принято Римом, Римской империей как христианское развитие. Но это была пестрая смесь того, что вырабатывалось постепенно в виде католической церкви, и того, что жило в качестве арианства. Так сказать, не хотели портить отношения ни с тем, ни с другим.

Как раз тогда достаточно сильно вели всяческую борьбу с древним эллинско-языческим идеалом, с древними богами и древними мистериями. Все, как уже сказано, было пущено в ход, чтобы сделать Юлиана, относительно которого все-таки можно было ожидать, что однажды он взойдет на престол цезарей, чтобы сделать его, так сказать, добрым христианином. Но в этой душе сказывалось своеобразное влечение. Эта душа никак не могла приобрести действительно глубокого понимания христианства. Везде, куда бы ни привозили этого ребенка и где были остатки не только древнего язычества, но и древней духовности, у него раскрывалось сердце. Он впитывал в себя то, что жило в культуре четвертого периода из древних священных преданий и установлений. Случилось так, что во время своих разнообразнейших скитаний, к которым его принуждало преследование со стороны его дяди, императора, он все-таки сблизился с учителями так называемой неоплатонической школы и с ученикам александрийцев, которые получили древние предания из Александрии. Тут только по-настоящему наполнилось сердце Юлиана тем, к чему он испытывал такое глубокое влечение. А затем он узнал то, что из этих древних сокровищ мудрости было в самой Греции; и со всем тем, что давала ему Греция, что давал ему древний мир как мудрость, Юлиан связал живое чувство языка звездного неба, тайн, которые из мирового пространства гласят нам в письменах звездного неба. Затем для него настало время, когда одним из последних иерофантов он был посвящен в Элевсинские мистерии³¹.

В Юлиане мы имеем своеобразное зрелище: посвященный древних мистерий, целиком погруженный в то, что можно приобрести, когда духовная жизнь, благодаря мистериям, становится действительностью, такой посвященный сидит па престоле римских цезарей. И как бы много неверного ни вкралось в те писания против христиан, которые сохранились от Юлиана, мы все же знаем, какое величие жило в мировоззрении Юлиана тогда, когда он говорил из величия своего посвящения. Однако, как ученик мистерий, которые находились уже на закате, он не мог правильно включиться в свою эпоху; поэтому он шел навстречу мученичеству посвященного, который более не знает, какие тайны должны быть сокрыты и какие могут быть сообщены. Из рвения и энтузиазма, которые Юлиан приобрел благодаря своему эллинскому воспитанию и посвящению, из великих опытов, которые он мог проделать под руководством своего иерофанта, в нем развилась воля восстановить вновь то, что он видел как живую жизнь и деятельность древней духовности. И вот, мы видим, как он пытается различными мерами опять ввести древних богов в культуру, в которую вошло христианство. Он зашел как в раскрытии тайн мистерий, так и в своем отношении к христианству слишком далеко. Потому и случилось, что в 363 году, когда он должен был предпринять поход против персов, его судьба настигла его. С Юлианом случилось то же, что и со всяким, кто, не имея на то права, высказал то, что не должно было быть высказываемо, его настигла его судьба, и можно исторически доказать, что Юлиан пал в этом походе против персов от руки христианина. Ибо не только эта весть распространилась очень скоро и никогда не опровергалась ни одним значительным христианским писателем; по было бы и удивительно в высшей степени, если бы персы, причинив смерть своему заклятому врагу, не хвалились бы потом этой смертью. Но и среди них сразу возникло мнение, что он погиб от руки христианина.

Действительно, нечто, подобное буре, исходило от этой инспирированной души, от энтузиазма, который Юлиан Отступник почерпнул в своем посвящении в Элевсинские мистерии, уже погружающиеся в сумерки своего заката. Такова была судьба одного из людей четвертого столетия, целиком человека-личности, мировая карма которого, в сущности, состояла в том, что он должен был в личном гневе, в личной ненависти, в личном энтузиазме выявить то, что он получил в наследство. То было основным законом его жизни. Интересно в целях оккультно-исторического исследования рассмотреть как раз эту жизнь, эту индивидуальность в ходе дальнейшего развития.

В XV веке, в 1546 году рождается примечательный человек, который происходит из знатного рода Северной Европы, которому, так сказать, в колыбель было положено все то, что могло привести его к высоким почестям в духе тогдашней традиционной жизни, он даже родился в богатой семье. Так как, в духе семейной традиции, он должен был стать человеком выдающегося государственного или какого-либо иного высокого положения, он был, само собой разумеется, предназначен к юридической профессии и был послан с воспитателем в Лейпцигский университет изучать юриспруденцию. Воспитатель мучил мальчика, ибо когда он должен был изучать юриспруденцию, он был еще ребенком. Воспитатель мучил мальчика днем, но когда он спал сном праведника и грезил о юридических теориях, мальчик вставал с постели и наблюдал ночью звезды с помощью весьма простых инструментов, которые сам себе смастерил. И весьма скоро он знал о тайнах звездного мира не только больше, чем какой-либо учитель, но и больше, чем тогда было во всех книгах. Так, например, он заметил очень скоро определенное положение Сатурна и Юпитера в созвездии Льва, посмотрел в книгах и нашел, что оно там было обозначено совершенно неверно. Тогда возникло в нем страстное желание возможно точно знать прежде всего эти звездные письмена, возможно точно обозначить пути звезд. И что же удивительного в том, что этот человек очень скоро, несмотря на все сопротивление своей семьи, добился позволения стать естествоиспытателем и астрономом, а не проспав свою жизнь над юридическими книгами и доктринами. И так как в его распоряжении были большие средства, то он мог соорудить себе целое здание. Оно было замечательно устроено; в его верхних этажах помещались инструменты, предназначенные для наблюдения тайн звездного неба, а в подвале - аппараты, чтобы производить различные смешения и разложения веществ. И он работал там, деля свое время между наблюдением в верхних этажах и кипячением и варкой, смешиванием и взвешиванием внизу, в подвалах. Так работал этот ум, чтобы постепенно показать, как законы, которые записаны в звездах, законы планет и неподвижных звезд, макрокосмические законы, микрокосмически воспроизводятся в математических числах, которые лежат в основе смешения и разложения веществ. И то, что он находил как живое отношение между небесным и земным, он применял к фармацевтике и старался составить лекарства, потому именно и вызывавшие вокруг него столько злобы, что он отдавал их даром тем, кому хотел помочь. Ибо врачи того времени, желая брать высокие цены, негодовали против этого человека, который вызвал столько "ужасного" тем, что он хотел перенести с Неба на землю. К счастью, благодаря одному событию этот человек пользовался милостью датского короля Фридриха II, и пока он пользовался этой милостью, все шло хорошо, было достигнуто действительно необыкновенное проникновение в духовное действие мировых законов в том смысле, как я это только что охарактеризовал.

Да, этот человек знал кое-что о духовном протекании мировых законов. Он поражал мир такими вещами, какие ныне, конечно, не нашли бы большого доверия. Ибо раз, когда он был в Ростове, он по положению звезд предсказал смерть султана Сулеймана, и она наступила через несколько дней, - весть, которая сделала имя *Тихо Браге* известным в Европе. Ныне о Тихо Браге, жизнь которого лежит совсем недалеко позади нас, мир знает едва ли больше, чем то, что он был немного простоват, что он еще не стоял на высокой материалистической точке зрения нашего времени. Правда, он нанес тысячу новых звезд на карту звездного неба, сделал также открытие эпохальной для того времени важности, - открыл вспыхивающую и вновь исчезающую звезду, *Nova Stella*, и описал ее, но об этих вещах большей частью умалчивают. Мир не знает о нем ничего, кроме того, что он был еще так глуп, что придумал мировую систему, в которой Земля стоит неподвижно, а Солнце вместе с планетами вращается вокруг Земли; ныне мир знает лишь это. А тот факт, что мы имеем дело с выдающейся личностью XVI века, с личностью, сделавшей бесконечно многое для астрономии, что применимо еще и сегодня; что в данном им заключена бездна глубокой мудрости, - это обыкновенно не отмечается просто по той причине, что при установлении точной системы Тихо Браге из собственного глубокого знания видел трудности, которых не видел *Коперник*. И, если это можно сказать, - правда, это кажется парадоксальным, - системой Коперника тоже еще не сказано последнее слово, а спор между обеими системами еще займет человечество в будущем. Но это между прочим, ибо это еще слишком парадоксально для нынешнего времени.

Лишь при преемнике благосклонного к нему короля противникам Тихо Браге, выступившим со всех сторон, - тогдашним врачам, профессорам копенгагенского университета, - удалось восстановить преемника его покровителя против него. Так Тихо Браге был изгнан из своего отечества и должен был опять двинуться на юг. Он некогда установил в Аугсбурге свою первую большую планисферу и золоченый глобус, где он постоянно отмечал новые звезды, которые открывал, и число которых под конец равнялось тысяче. Затем в изгнании, в Праге этот человек должен был найти свою смерть. Еще и сегодня, если мы возьмем не ходовые учебники, но обратимся к источникам и изучим хотя бы *Кеплера*, еще и сегодня мы можем видеть, как Кеплер пришел к своим законам как раз благодаря тому, что выработал до него в своих тщательных астрономических наблюдениях Тихо Браге. Это была личность, которая опять-таки, но в большом стиле, несла на себе отпечаток того, что было великого и значительного в мудрости предыдущей эпохи, но которая не могла еще найти себя в том, что вскоре сразу стало общепризнанным в виде материалистического мировоззрения. Не правда ли, сколь своеобразна судьба этого Тихо Браге!

И теперь подумайте, если вы сопоставите эти две личные судьбы, как бесконечно поучительно, если мы узнаем из Хроники Акаши, что индивидуальность Юлиана Отступника опять всплывает в Тихо Браге, что Тихо Браге есть реинкарнация Юлиана Отступника. Так примечательно, так парадоксально действует закон

реинкарнации, когда кармические связи отдельного человека модифицируются мировой исторической кармой, когда сами мировые силы охватывают человеческую индивидуальность, чтобы воспользоваться ею как орудием.

Правда, я хотел бы определенно заметить, что такие вещи, как взаимосвязь между Юлианом и Тихо Браге, я высказываю не для того, чтобы завтра они возглашались со всех крыш и обсуждались за всеми обеденными столиками, но за тем, чтобы как учение оккультной мудрости они погрузились здесь в некоторое число душ, и мы учились все больше и больше понимать, что поистине в основе чувственно-физической природы человека лежит сверхчуждое.

Лекция пятая

Штутгарт, 31 декабря 1910 г.

Мои дорогие друзья!

Взгляд на ход развития таких индивидуальностей, как те, которые мы проследили вчера в двух их воплощениях, позволяет нам немного заглянуть в таинственную жизнь и деятельность мировых духов в развитии человечества, в истории человечества. Ибо, если мы обратимся к тем образам, которые вчера, хотя бы бегло, прошли перед нашей душой, - образам Юлиана Отступника и следующего выявления той же самой индивидуальности в ходе человеческого развития в лице Тихо Браге, великого астронома, - то одна вещь особенно может броситься нам в глаза. Как раз у таких личностей, которые кое-что значат в истории, мы можем наблюдать, что своеобразие их индивидуальности действует из одной инкарнации в другую, но что в этом чистом ходе реинкарнаций, модифицируя их, дает о себе знать то, что хотят совершить в истории высокие духовные индивидуальности высших иерархий и для чего они пользуются только отдельными людьми как своими орудиями.

Ибо мы должны ведь себе сказать, что индивидуальность, которая выступила в лице Юлиана Отступника, имела в IV веке от Р. Х. задачу дать как бы последний толчок к тому, чтобы духовные сокровища мудрости более ранних эпох человеческого развития мощно вспыхнули в последний раз и были таким образом ограждены от судьбы, которая легко могла бы их постигнуть, если бы одному только восходящему христианству было предоставлено распоряжаться этими сокровищами мудрости. А, с другой стороны, мы должны сказать, что индивидуальность, которая была воплощена в личности, имевшей счастье даже быть посвященной в Элевсинские мистерии, при своей новой инкарнации имела предпосылки к тому, чтобы дать действовать на себя бесконечному изобилию сил эпохи и сущностей, которые действуют в эпохе, как это и должно было происходить в XVI веке. И мы действительно найдем вполне попятным все то великое и могучее, что вчера предстало перед нами в личности Тихо Браге и что находит свое объяснение в том, что несметное макрокосмическое знание в его связи с микрокосмом могло выступить в Тихо Браге, так как в своей прежней инкарнации он был именно посвященным.

Итак, благодаря таким наблюдениям оккультной истории мы замечаем, мои дорогие друзья, что, конечно, историю творят сами люди непосредственно, но что, в конечном счете, история может стать понятной все-таки лишь тогда, когда мы находим связь между отдельными, появляющимися в истории и умирающими личностями и индивидуальными нитями, которые, так сказать, проходят через все развитие человечества и реинкарнируются в личностях. Однако мы должны всегда соединять с этим еще то, что втекает из сверхфизических миров благодаря властям других иерархий, если хотим понять человечество на нашей Земле в ходе его истории.

Ну, так вот, в ходе нашего рассмотрения оказалось, что во всех культурных периодах после атлантической катастрофы через людей действовали определенные, стоящие над ними власти высших иерархий. Мы сказали, что особенно сильно это выступает в древнеиндийской душе, которая является, так сказать, только ареной действия для более высоких духовных сущностей. Несколько дальше назад отступает это в душе древнего перса. И затем мы видели, что в египетско-халдейской культуре душа имела уже задачу, - и особенно встает это перед нами при рассмотрении души вавилоняна, - низвести сверхличное в личное, духовное - на физический план. Личность, следовательно, приобретает все больше значения, чем больше мы приближаемся к греческой эпохе, и в ней, должны были мы сказать, мы имеем действие "я" в "я", полное выявление личности в сильных и ярких фигурах, которые встают перед нами в греческую эпоху. У греков и, позднее, у римлян больше всего отступает назад то, что может быть дано индивидуальности только из высших миров; зато вперед выступает то, что человек, как свое собственное человеческое, выражает в своей личности.

И вот, может возникнуть вопрос, - а только ответ на этот вопрос может сделать нам понятным весь оккультный ход истории глубже, - что это, собственно, за духи, которые действовали через индусов, древних персов, через вавилоняна, халдеев и египтян, к каким иерархиям принадлежат они? На основе исследований, которые возможны для нас благодаря оккультным источникам, мы можем, конечно, некоторым образом сказать, какие индивидуальности высших иерархий в каждом из названных периодов пользовались людьми, как орудиями, чтобы действовать через них. В душу древних индусов, то есть в ту душу, которая была культурно-творческой непосредственно после атлантической катастрофы, вливали свои силы те существа, которых мы привыкли называть ангелами. Так что в определенном отношении мы будем правы, если скажем, что когда древний индус говорил, когда он выражал то, что приводило в движение его душу, это было так, как если бы через его душу говорила не его собственная "я" - сущность прямо, но ангел. Так как ангел находится только одной ступенью выше человека, то он есть самое родственное человеку существо из высших иерархий, и потому он мог, так сказать, в наибольшей мере выражать себя в своем собственном своеобразии. Чуждое человеку

проявляется как раз больше всего в индусской манере выражения, потому что ангел наиболее родственен человеку и потому яснее всего может высказываться как ангел. Уже менее возможно было высказаться в их непосредственном своеобразии тем существам высших иерархий, которые гласили через древних персов. Ибо то были существа следующей, более высокой ступени, то были архангелы, которые гласили через душу древнеперсидского народа. И так как они стоят выше человека двумя ступенями, то поэтому то, что они могут высказать с помощью человеческого орудия, более чуждо их собственному существу, чем то, что могли выражать через индусов ангелы. Таким образом, все делается более человеческим ступень за ступенью. Тем не менее это нистекание из высших иерархий все время налицо. Через души вавилонского, халдейского и египетского населения высказываются духи Личности. Поэтому-то здесь в наибольшей степени и выдвигается личность, а то, что человек еще может давать из того, что нистекает сверху, наиболее чуждо своему происхождению и становится в наибольшей мере человечески-личным. Таким образом, идя вплоть до вавилонско-египетского периода, мы имеем продолжающееся откровение ангелов, архангелов и духов Личности. Особенно у персов, мои дорогие друзья, мы можем точно проследить сознание того, что наиглавнейшие духи из иерархии архангелов воздействовали там на то, что мы можем назвать человеческим организмом, организмом в целом. Конечно, мы не должны брать среднего человека среди персов, если хотим проследить втеkanie того, что нистекало от высших иерархий. Оно текло и на обыкновенного перса, но знать, как это происходит, проникать в суть дела, могли только те, которые были непосредственными учениками инспиратора древне-персидской культуры, самого *Заратустры*³². И они знали это действительно; ибо вы можете быть вспомните из многочисленных изложений учения Заратустры, которые я уже давал сам, или также из того, что передается экзотерически, что по воззрению древних персов, пра-божественное, *Зерван Акарана*, проявляется через две противоположные силы - *Ормузда и Аримана*. Древние персы ясно понимали, что все, что выявляется в человеке, происходит из Макрокосма, и что явления Макрокосма, а именно движение и положение звезд, имеет таинственную связь с тем, что заключено в микрокосме, в человеке. Потому ученики Заратустры видели внешнее выражение, образ Зервана Акарана, того, что живет вечно и творит как пра-существо сквозь все времена, в Зодиаке; и слово *Зодиак* еще напоминает о Зерване Акарана. Итак, в Зодиаке видели они это. Ученики Заратустры видели, как двенадцать сил идут по двенадцати направлениям от Зодиака, из которых половина обращена к светлой стороне, как бы к световой стороне Зодиака, которую Солнце проходит днем; другая половина обращена к темной стороне Зодиака, к Ариману, как они говорили. Итак, приходящими с двенадцати сторон Вселенной и проникающими в человеческую организацию представляли себе персы макрокосмические силы; эти силы вливались в человеческую организацию, действовали и работали в ней, так что они были в наличии, присутствовали в человеке. Поэтому то, что развивается посредством двенадцатеричности, должно обнаруживаться человеческому разуму и микрокосмически; то есть это должно выражаться через двенадцатеричность *Амшаспандов* (архангелов) и в микрокосме, а именно - как конечное выявление этих двенадцати духовных макрокосмических сущностей, которые уже действовали раньше, которые подготовили то, что нашло только окончательное завершение во время персидской культуры.

Современная физиология могла бы знать, где находятся двенадцать микрокосмических отображений двенадцати Амшаспандов. Это двенадцать головных нервов, которые выходят из головы; они не что иное, как то, что возникло через излучение двенадцати макрокосмических сил в человека и в человеке материально уплотнилось. С двенадцати сторон Зодиака действовали двенадцать архангельских существ - так это представляли себе древние персы; чтобы постепенно произвести то, чем теперь является наш разум, действовали они в двенадцати лучах на человеческую голову. Конечно, в древнеперсидскую эпоху они действовали на человека не впервые, а уже напоследок, так что мы имеем двенадцать космических излучений, двенадцать архангельских излучений, которые потом уплотнились в голове человека в двенадцать нервов головного мозга, как будто они там внутри материально застыли. И так как в более поздние времена всегда, разумеется, знали и то, что знали раньше, то персы могли также знать, что в индийской культуре действовали духи, стоявшие ниже архангелов. Следующую ступень ниже Амшаспандов, ниже архангелов, персы называли *Изадами* и среди них различали 28-31 Изада. Они обуславливают менее высокую деятельность, душевную деятельность в людях. Они посылают свои лучи, и те соответствуют 28 или 30-31 нерву спинного мозга человека. Таким образом, нашу современную физиологию вы имеете макрокосмически перенесенной в духовное, в спиритуальное - в двенадцати Амшаспандах зороастризма и в 28-31 Изаде, в следующей нижестоящей иерархии.

Ведь в историческом развитии человечества все действительно происходит так, что то, что первоначально выступило духовно, вновь встает перед нашими глазами при анатомическом вскрытии, потому что вещи, которые раньше были доступны духовному ясновидческому созерцанию, в более поздние эпохи проявляются материалистически.

Здесь, действительно, обнаруживается удивительный мост между спиритуальностью зороастризма и нашей современной физиологией с ее материализмом. Конечно, уделом большей части человечества будет смотреть на такие идеи о связи между персидскими Амшаспандами и Изадами с нашими нервами как на безумие, особенно для тех, кто сегодня изучает материалистическую физиологию. Но у нас еще есть время, потому что персидский период повторится вполне лишь в шестом периоде, в том периоде, который следует за нашим. Только тогда будут существовать основные условия для того, чтобы такие вещи могли стать понятными большей части

человечества. Потому мы должны довольствоваться тем, что сегодня мы в области духовнонаучного мировоззрения можем указывать на такие вещи. Но такие указания и сегодня должны быть сделаны, если говорить в настоящем смысле слова о духовнонаучном мировоззрении и если не только в общих фразах указывать на то, что человек есть микрокосмическое повторение Макрокосма.

В других странах также было известно, что то, что выражается в человеке, притекает извне. Потому, например, в определенные времена в германской мифологии говорилось о двенадцати потоках, которые текут из Нифльхейма в Муспельхейм. Двенадцать потоков подразумевались не в физически-материальном смысле; это то, что, узренное ясновидчески как определенный отблеск Макрокосма, вливается в человеческий микрокосм, в существо, которое живет на земле и которое должно развиваться посредством макрокосмических сил. И, конечно, надо подчеркнуть, что сегодня эти течения видимы, в сущности, как астральные течения, тогда как в атлантические времена, которые непосредственно следовали за Лемурией, и даже в самой Лемурии они могли быть видимы как эфирные течения. Поэтому одна из планет, родственная Земле, только находящаяся в более ранней стадии развития, должна являть нечто подобное. И так как издали можно часто наблюдать вещи, которые вблизи, вследствие разъединенности, ускользают от нашего восприятия, то на планете, схожей с Землей, когда она отстоит достаточно далеко и проходит такие ранние ступени развития нашей Земли, можно было бы еще и теперь наблюдать эти двенадцать течений. Конечно, они будут иметь несколько иной вид, чем имели некогда на Земле, и, конечно, необходимо расстояние, потому что если вы, например, находитесь в рою мошек, то и рой не покажется вам с облакоподобными оттенениями; вы воспримете его только тогда, когда увидите его издали.

То, что я сейчас сказал, лежит в основе наблюдений, которые гласят о каналах Марса. В основе того, что описывается как каналы Марса, в действительности лежит то, на что я вам только что указал; здесь имеют дело с определенными потоками сил, которые соответствуют более раннему состоянию Земли и которые описаны в древнегерманском мифе как потоки, текущие из Нифльхейма в Муспельхейм. Это, конечно, ужаснейшая ересь для нынешней школьной физиологии и школьной астрономии, но им придется в ходе ближайших тысячелетий внести у себя много поправок.

Все это может указать нам на то, в какую бездну премудрости заглядываем мы в смутном предчувствии, когда высказывается простое положение: человеческий микрокосм есть род отражения Макрокосма. Такие слова указывают нам на то, что эта фраза непосредственно соприкасается с глубочайшей мудростью, ибо слова "человек есть микрокосм по отношению к Макрокосму" могут быть действительно просто тривиальной фразой - правильно же понятое, они могут представлять для нас совокупность миллионов и миллионов отдельных конкретных истин. И это должно было быть подчеркнуто, чтобы показать вам, какой была конфигурация души людей древнеперсидской культуры. Тогда имелось, особенно у ведущих личностей, живое ощущение этой связи человека с Макрокосмом.

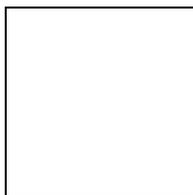
После того как до вавилонско-халдейской культуры включительно действовали те сущности, которые мы обозначили по порядку как ангелов, архангелов и духов Личности, последовала та примечательная греко-латинская культура, которая в особенности дала выражение личности как таковой, действию "я" в "я". И тут проявились определенные сущности, которые находятся ступенью выше духов Личности; тут проявились духи Формы. Но откровение духов Формы совершалось иначе, чем откровение духов Личности, архангелов и ангелов. Как проявляют себя ангелы, архангелы и духи Личности в нашу послееатлантическую эпоху? Они действуют на внутреннее человека: ангелы - инспирируя индуса, архангелы еще сходным образом действуют на древнего перса, но так, что человеческое приобретает уже несколько больше значения; дух же Личности стоял как бы позади души египтян, побуждая ее вынести духовное на физический план.

Иначе проявляют себя духи Формы. Они выявляют себя, действуя снизу вверх, как гораздо более мощные духи, которым нет надобности пользоваться только человеком как орудием; они проявляются в царствах природы, что лежат вокруг нас, в конфигурации существ минерального, растительного, животного царств. И если человек хочет узнать духов Формы по их проявлению, он должен направить свой взгляд вовне, должен наблюдать природу, должен вникать в то, что внесли в природу духи Формы. Поэтому в греческую эпоху, когда преимущественно проявляли себя духи Формы, человек не получает прямого влияния, которое действовало бы инспирирующе. Воздействие духов Формы совершается скорее так, что внешняя сторона чувственного мира влечет человека, что его чувства с радостью, с воодушевлением обращаются к тому, что распространено вокруг, что он пытается придать идеальный облик тому, что распространено вокруг.

Итак, извне чаруют духи Формы, и один из главнейших духов Формы - тот, который скрывается за Ягве или Йеговой. И хотя по числу духов Формы семь и они действуют в различных царствах природы, у современного человека имеется способность чувствовать, собственно, только одного из них, которого мы называем Ягве. Если мы продумаем все это, то нам представится понятным, что, по существу, в четвертом периоде человек более или менее покинут в главном этими направляющими силами - ангелами, архангелами и духами Личности и что он совершенно обращает свой взгляд на внешний мир, на физический горизонт, где обнаруживаются духи Формы.

Они, собственно, находились позади этого физического мира уже и раньше, они только, так сказать, не давали себя распознать человеческому познанию. В эпоху, которая непосредственно следовала за атлантической катастрофой, действовали духи Формы; они действовали в царствах природы, в законах погоды, в законах

растения, животного и минерала. Они действовали и в более древние времена. Но человек не направлял своего взгляда на то, что вставало перед ним внешне, потому что внутренне он был инспирирован другими. Он был отвлечен от внешнего мира.

Почему так было? Как должны мы понимать то, что другие иерархии, которые, как мы знаем, стоят ниже духов Формы, что они, при тогда уже существующем действии духов Формы, таким властным образом пользуются своим влиянием? Это связано с совершенно определенным периодическим развитием всей нашей Земли. Эти вещи для ясновидящего взгляда, который с помощью Хроники Акаши обращается назад, совсем иные, чем они выглядят в спекуляциях, которые строятся на основе современных геологических данных.

Если мы пойдем назад во времена, лежащие прежде деятельности духов Личности в халдейском периоде, прежде деятельности архангелов в персидском и ангелов в древнеиндийском периодах, то ведь мы придем к тому периоду в истории нашей Земли, когда всего ужаснее неистовствовала атлантическая катастрофа. Постепенно мы совершенно погружаемся в атлантическую катастрофу. Это то время, на которое указывают сказания различных народов о потопе, и тогда все выглядело в самом деле иначе, чем это расписывают современные геологические гипотезы. В еще более раннюю, атлантическую эпоху все имело опять-таки совершенно иной вид. Человек был изменяющимся существом. До этой катастрофы весь лик Земли был совсем иным, чем это ныне мнится людям. И вы можете себе представить, что духовные иерархии воздействовали на Землю тогда в еще большей мере.

Мы имеем как бы границу между древними воздействиями в атлантическую эпоху и воздействиями в послеплатоническую эпоху, границу, которая занята атлантической катастрофой, теми процессами, которые совершенно изменили облик нашей Земли в аспекте распределения воды и суши. Такие эпохи и изменения в них связаны, мои дорогие друзья, с великими процессами в констелляции, в положении и движении связанных с Солнцем мировых тел. И действительно, из макрокосмического пространства направляется то, что разыгрывается на Земле как такие периоды. Сегодня это завело бы слишком далеко, если бы я стал излагать вам, как эти следующие один за другим периоды направляются, подразделяются тем, что сейчас в астрономии называется перемещением точки равноденствия. Это связано с положением земной оси по отношению к оси эклиптики, это связано с великими процессами в констелляции соседствующих с нами мировых тел, и, действительно, есть совершенно определенные эпохи, когда, вследствие особого положения оси Земли по отношению к другим телам ее системы, существует совершенно иное распределение тепла и холода на нашей Земле, чем всегда. Благодаря этому положению земной оси по отношению к соседним светилам изменяются климатические условия. И действительно, в течение несколько более чем 25000 лет наша земная ось описывает род конуса или кругового движения, так что известные состояния, которые наша Земля переживает в определенное время, она переживает вновь через 25-26 тысяч лет в другой форме, а именно, на более высокой ступени. Но всегда между этими большими промежутками времени лежат меньшие промежутки.

Все это совершается вовсе не непрерывно, но так, что определенные годы образуют узловые пункты, глубокие разломы, когда происходят важные вещи. И тут мы можем прежде всего указать, - так как это существенно важно для всего исторического развития нашего земного человечества, - что в VII тысячелетии до Христа наступил особенно важный астрономический момент, важный потому, что, благодаря положению земной оси по отношению к соседним небесным светилам, он выразился в таком распределении климатических условий на Земле, что именно тогда, за шесть, семь, восемь тысяч лет до нашего летоисчисления, произошла атлантическая катастрофа (она ведь протекала в течение долгого времени). Здесь мы можем акцентировать лишь то, что верно, а не те фантастические промежутки времени, которые указываются, ибо это лежит в прошлом гораздо ближе к нам, чем обыкновенно думают.

В этот период макрокосмические отношения действовали на физический мир так, что действие это отражалось в тех мощных физических переворотах на нашей Земле, которые встают перед нами как атлантическая катастрофа и совершенно изменяют лик Земли. Это было сильнейшее физическое преобразование, это было сильнейшее воздействие из Макрокосма на Землю. Зато влияние на дух человека с этой стороны было тогда самым малым; поэтому в этот период менее значительные силы иерархий начинают оказывать сильное влияние на человека, которое затем постепенно убывает. Так что там, где духи Формы оказывали мощное возмущающее воздействие на физический мир, они не имели так много времени, чтобы воздействовать еще и на дух человека, так что физическое как бы ушло у человека из-под ног. Но зато как раз во время атлантической катастрофы человек был особенно погружен в дух и только постепенно вошел опять в физический мир в послеплатоническое время.

Теперь вам не трудно будет представить себе, что если приблизительно за шесть, семь, восемь тысяч лет до нашего христианского летоисчисления имело место наименьшее влияние на человеческий дух и наибольшее влияние на физические условия Земли, то может существовать опять-таки другой момент, когда будет иметь место обратное, когда те, кто могут знать эти вещи, почувствуют обратное - наименьшее влияние на физическое,

но зато как раз наибольшее влияние духов Формы на человеческий дух. Вы можете, сперва гипотетически, выстроить в душе, что в истории может существовать такой пункт, когда будет иметь место обратное великой атлантической катастрофе. Конечно, это будет не так легко заметить, потому что в нашу послеатлантическую эпоху человеку, предрасположенному ко всему физическому, сильно бросится в глаза атлантическая катастрофа, когда гибнут целые части света. Менее заметно будет ему, если духи Формы имеют сильное влияние на человеческую личность и лишь незначительное влияние на то, что происходит внешне. Этим моментом, когда наступило то, что люди, естественно, замечают меньше, является 1250-й год христианской эры. И этот 1250 год, действительно, исторически необычайно важный год. Он совпал с эпохой, которую приблизительно можно охарактеризовать так: духи чувствовали себя, так сказать, вынужденными наиточнейшим образом выявить то, каким образом взгляд человека может подниматься к стоящим над другими иерархиями высшим божественным сущностям; как найти отношение к этим сущностям, которых ощущают прежде всего как единство сначала через Ягве, затем через Христа, и приложить всё человеческое знание к тому, чтобы раскрыть мистерии Христа Иисуса. Это был момент особенно благоприятный для того, чтобы передать человечеству мистерии, которые непосредственно выражаются в связи духовного с природными процессами. Поэтому мы видим, что этот год есть исходный пункт великой точной переработки того, во что раньше лишь верили, что лишь предугадывали, исходный пункт теперь слишком мало ценимой схоластики. Но затем это был также исходный пункт того откровения, которое нашло выражение в таких умах, как, например, *Агриппа Неттесгеймский*, и которое выразилось глубже всего во всем розенкрейцерстве. Это указывает нам на то, что если мы хотим искать более глубокие силы исторического развития, то нам надо вникать еще в совершенно другие отношения, чем те, которые очевидны внешне. Да, позади того, о чем я только что сказал, скрываются, например, и те силы, что действовали в уже состоявшихся и закончившихся крестовых походах. Вся европейская история, особенно то, что разыгрывается между Востоком и Западом, сделалась возможной только благодаря тому, что позади нее стоят силы так, как я это теперь описал.

Итак, мы можем сказать: существуют два пункта во времени, из которых один может быть обозначен, как великий переворот на внешнем физическом плане, другой же - как переходный момент для всего того, что должно было греметь в мистериях. Но мы должны твердо помнить, что в действительности для всех таких вещей существуют еще и другие законы, которые пересекаются с главными законами. И, таким образом, мы понимаем, что на это время приходится исходный пункт великих откровений, что это время было благоприятным для появления такого человека, который, как Юлиан Отступник, был некогда посвящен в Элевсинские мистерии. Затем он позволил действовать на свою душу тому, что проявлялось как откровения духов Формы. Но всегда требуется приблизительно четыреста лет, пока действует первый приступ какого-нибудь мощного влияния; затем начинается отлив, затем течения начинают, так сказать, разделяться. Поэтому то, что как духовное видели тогда позади явлений природы, действовало так, что духовное забыли и удержали лишь явления природы. Это и есть наша современность, а Тихо Браге - в то же время один из последних, кто улавливает духовное позади внешнего естествознания. И как раз Тихо Браге является такой удивительной личностью потому, что он владеет внешней астрономией в такой высокой мере, что открывает тысячи звезд и многое другое, но при этом несет в своей душе духовное действие великих сил, так что может действительно поразить всю Европу, смело и решительно предсказывая смерть султана Сулеймана. Мы видим, как из спиритуального природопознания, которое начинается с 1250 года и которое внешне встает перед нами в таких умах, как Агриппа Неттесгеймский, постепенно выделяется то, что позднее становится лишь внешним явлением природы, тогда как внутреннее, духовное, пребывает в том таинственном течении, которое известно нам как розенкрейцерство. Затем оба потока текут далее.

Примечательно, что размежевание это обнаруживается даже внутри личности. Раз уже, приблизительно в начале нашего немецкого движения, я привлекал внимание к тому, как в одной личности XV века выступает то, что здесь продолжается как спиритуальное движение, еще связанное с определенным природопознанием, но как затем спиритуальное отбрасывается и дальше продолжает жить чисто внешне. Мы можем проследить это на единичной личности, на личности *Николая Кузанского*. Если мы только читаем его, - а его можно не только читать, - то уже через прочтение выясняется, что глубокое духовное созерцание у него еще было связано с внешним знанием природы, особенно когда оно облакается в математические формы. И так как он понимал, как трудно достигнуть этого в такое время, которое все более и более движется в направлении внешней учености, то из мироисторической скромности он назвал свое произведение "Ученое незнание", "Docta ignorantia". Конечно, этим он не хотел сказать, что он особенно глупый человек, но он хотел выразить этим, что все, что он может сказать, лежит выше того, что отныне будет развиваться как чисто внешняя ученость. Если это выразить ставшим ныне излюбленным словом, то мы можем сказать, что "ученое незнание" есть сверхученость.

Затем, как вы знаете, он родился вновь, - причем в этом случае очень скоро, - как Николай Коперник. Та же самая сущность, которая была в Николае Кузанском, действовала дальше в Николае Копернике. Но оказывается, что как раз в те времена человеческая организация так продвинулась в сторону физического, что вся глубина Николая Кузанского могла действовать в Копернике только так, что возникла именно [концепция] внешней физической мировой системы; то, что жило в Николае Кузанском, было как бы профильтровано, духовное отброшено и превращено во внешнее знание. Тут мы явственно видим, сколь короткое время пришлось

действовать мощному импульсу 1250 года, где он имел свое средоточие во времени. И то, что влилось в нашу Землю в этом пункте, на свой лад продолжало действовать и дальше. Оно продолжало действовать в тех двух течениях, из которых одно материалистично и будет становиться еще более материалистичным, другое же жаждет духовного и особенно выражалось в том, что мы знаем как откровение розенкрейцерства, которое текло интенсивнее всего, именно начиная с этого исходного пункта, хотя оно подготавливалось уже и раньше.

Итак, вы видите, что мы имеем, так сказать, как бы период времени продолжительностью в шесть, семь, восемь тысяч лет, когда земное развитие проходит важный цикл исторических фактов, с которыми тесно связано человеческое развитие. Такие циклы опять-таки пересекаются другими, потому что на наше земное развитие воздействуют периодически самые различные силы. Только тогда, когда мы отделим друг от друга эти силы, когда мы узнаем ближе отдельные силы и, так сказать, проконтролируем, как они сочетаются, только тогда мы сможем постепенно понять, как совершаются события на земле. Всеми такими силами и такими закономерностями человечество ведется вперед, обуславливается человеческое движение вперед.

Вы ведь знаете, что на наше столетие другим течением помещен важный узловый пункт, на который указано в розенкрейцерской драме-мистерии "Врата посвящения": новое видение в эфирном мире и откровение Христа в эфирном мире. Но это принадлежит к другому течению. Теперь я говорю больше о силах, которые воздействуют на широкую основу исторического процесса. Если же мы хотим вполне понять исторический процесс, то мы должны еще учесть, что такие узловые пункты развития всегда связаны с определенным положением небесных светил и что в 1250 году наша земная ось занимала также определенное положение, так что так называемая малая ось эклиптики имела совсем особое положение по отношению к земной оси. Если мы, стало быть, примем во внимание, что то, что происходит на Земле, обуславливается великими небесными соотношениями, то уже во внешних, климатических условиях мы можем видеть, что оно специализируется и дифференцируется в пределах Земли. Не правда ли, благодаря тому, что из космоса определенным образом действуют силы, обуславливается то, что вокруг Земли мы имеем жаркий пояс, затем умеренный, затем холодный. Это можно взять в качестве примера того, как на физическом плане дает себя знать то, что благодаря духовному процессу совершается, исходя от Солнца и других условий, но опять-таки это еще дифференцируется в пределах самой Земли: климат меняется, когда в жаркой зоне мы имеем дело с низменностями или высотами, на высотах несмотря ни на что может быть очень холодно. Поэтому на тех же самых градусах широты климатические условия распределены совершенно иначе, если мы рассматриваем эти вещи в Африке или в Америке. Но и в духовном развитии существует нечто такое, что позволяет себя сравнивать с этого рода дифференциацией так, что в действительности в периоды, когда благодаря конstellляции звезд на всей Земле царит может быть совершенно определенный характер, наступают модификации в духе и в душах людей. Это особенно важно, потому что, действительно, так и должно иногда быть, чтобы можно было позаботиться об отдаленных вещах. Представьте себе, что мудрое мировое правление, - это говорится, конечно, только для сравнения, - должно было, так сказать, подумать за тысячелетия вперед о следующем: вот имеется группа душ, я должно подготовить их, чтобы они могли выполнить в следующей инкарнации ту или иную задачу; здесь должны быть созданы взаимосвязи так, чтобы эта, может быть маленькая, группа людей, которые испытали нечто вполне определенное и которые воплощены вместе на маленьком клочке земли, смогла пережить нечто такое, что для этого времени кажется незначительным. Но когда направляешь взгляд на то, как такие люди, собранные на этом ограниченном пространстве, в своем следующем воплощении разбрасываются в разные стороны, и как раз то, что они получили на этом тесном пространстве, позднее они делают для всего человечества, тогда все это приобретает другой вид. Таким образом, мы можем понять, что во времена, когда общий характер человечества является вполне определенным, в отдельных частях культуры выступает нечто такое, что кажется удивительным, что совершенно отличается от этого общего характера. Я хочу упомянуть кое о чем в этом роде, поскольку оно довольно близко к нашему времени.

В Штейнтале близ Страсбурга жил *Оберлин*. На него постоянно указывал глубокий немецкий психолог и исследователь Шуберт. Этот Оберлин был своеобразной личностью и он действовал своеобразно на души. Он был ясновидящим, - на это я могу только указать, - и после того, как он сравнительно рано потерял жену, он был в состоянии в самом деле жить с индивидуальностью этой жены так, как живут с живыми. И вот, он день за днем отмечал, что случалось там вверху, где жила его жена; он заносил это на карту [звездного] неба и показывал людям, которые были вокруг него, так что существовало действительно целое сообщество, которое принимало участие в жизни Оберлина с его умершей женой. Странно и неуместно, что на рубеж XVIII и XIX веков помещено нечто подобное. Но если вы примете во внимание то, что я вам сказал, вы увидите смысл этого. А вещи, которые открывались Оберлину, относятся к самому значительному из того, что в этой области происходило в новейшее время. Я позволю себе, может быть, обратить ваше внимание на то, что ныне мы имеем прекрасный культурно-исторический труд, освещающий эти обстоятельства Оберлина - роман Фрица Линхарда. Вы найдете в нем весьма увлекательное чтение, касающееся не только личности этого пастора, но и других тогдашних культурных условий. Из таких вещей, которые легко недооцениваются и считаются случайными, мы можем видеть, как включается в наше развитие подобное событие, как оно может действовать в общей связи человеческого развития. Ибо люди, которые так вместе собраны, которые толпятся вокруг одной личности, действующей в качестве их руководителя, такие люди в последующих инкарнациях призваны взять на себя

определенные задачи.

Таким образом, мы видим,- и сегодня я хотел предложить это вашим душам,- как, так сказать, величайшее макрокосмическое воздействие из мировых далей на человеческие души связано с тем,

что может произойти на самом маленьком пространстве. Но особенно интересными эти вещи становятся, когда приводишь их в связь с другим законом, с такими великими узловыми пунктами развития, каким был 1250 год. Тогда воздействие на человеческую душу было сильнее всего, а это заметить труднее, чем сотрясение материков. Во время атлантической катастрофы духи Формы действовали на человеческие души менее всего. Потому, так сказать, полем деятельности владели тогда младшие иерархии. И так вообще распределена деятельность различных классов иерархических существ. Важно, чтобы мы понимали, что в этих циклических движениях опять-таки заключены определенные законы взлета и падения. На нечто подобное я указал, сказав, что в 1250 году происходил натиск, что затем настал спад, проявившийся в чисто материалистическом течении. Мы часто можем заметить нечто подобное. И интересно видеть, как чередуются циклы подъема и понижения в том, что свершается как история человечества.

Лекция шестая
Штутгарт, 1 января 1911 г.

Мои дорогие друзья!

Вчера я обратил ваше внимание на то, как в ход человеческого развития вступают самые различные исторические силы. Благодаря этому, а также благодаря пересечению одного мощного течения с другим, возникают периоды - в определенном культурном отношении - подъема, а также периоды спада; и происходит это так, что когда еще старая культура отливает, когда старая культура, так сказать, переходит во внешнее, медленно и постепенно подготавливается то, что должно ввести в действие более позднюю культуру, что должно, собственно, оживить, породить более позднюю культуру. Отсюда, как правило, мы можем представить себе ход человеческой культурной жизни схематически так: сначала мы видим, как из неопределенных глубин совершается подъем человеческой культуры до некоторой высшей точки, затем видим, как эта культурная жизнь отливает и при том медленнее, чем приливала. То, что принесла данная культурная эпоха, долго живет после, вживается в различные последующие течения и народные культуры и теряется, как потерялся бы поток, изливающийся не в море, но растекающийся по равнине. Но пока он растекается, подготавливается новая культура, которая, так сказать, на закате старой культуры была еще незаметна, чтобы затем со своей стороны начать собственное развитие, свой подъем и способствовать таким же или сходным образом продвижению человечества вперед. Если мы захотим представить себе культурное развитие, характерное в наиболее значительном смысле, то ведь мы можем почувствовать, что таковым должно быть развитие, в котором общечеловеческое, действие "я" в "я" обнаруживалось наиболее заметным образом. Это имело место в древней Греции, как мы показали. И вот, если мы его рассмотрим, то как раз здесь особенно нам может открыться, сколь характерно протекает культура; ибо то, что совершалось в трех предыдущих культурах, и то, что за этим следует, модифицируется совершенно иным образом тем, что находится вне человека. Потому то, что заключено в самом человеке, чем человек, так сказать, воздействует на мир, во всем, что из сверхчувственных сил наиболее по-человечески выражается в нем,- это дано нам в среднем, в четвертом культурном периоде. Однако относительно Греции мы должны сказать теперь также следующее.

Ей предшествовал третий период; он отхлынул, и пока он отливал, подготавливалась Греция. Итак, во время отлива вавилонской культуры, которая текла с востока на запад, на этом маленьком южном полуострове Европы, называемом нами Грецией, было заложено зерно того, что должно было погрузиться в человечество как поток новой жизни. И хотя мы должны сказать, что эта греческая жизнь выразила чисто человеческое, то, что человек может найти целиком в самом себе, выразила в самом выдающемся смысле, нельзя думать, что такие вещи не требуют подготовки. Также и то, что мы называем чисто человеческим, сначала должно было быть преподано людям сверхчувственными силами через мистерии, подобно тому, как и ту, еще более высокую свободу, которая должна быть подготовлена для шестой культурной эпохи, несут в себе и преподают в сверхчувственных мирах соответствующие водители человеческого развития. Итак, мы должны сказать: там, где Греция является внешнему наблюдению так, будто у нее все возникает только из чисто человеческого, там Греция имеет уже позади ту эпоху, когда она находилась под влиянием учения высоких духовных существ. Только эти духовные существа и дали ей возможность подняться до ее чисто человеческой высоты. И потому то, что мы называем сегодня греческой культурой, если проследить за ней в обратном направлении, теряется в безднах доисторических времен, когда как основа греческой культуры создавалось в храмах мистерий то, что затем, как наследие древней мудрости храмов, грандиозным образом было переведено в поэтическую форму Гомером, Эсхилом. Значит, то, что в этих недостижимых образах так величественно встает перед нами, мы должны рассматривать так, что эти люди, правда, перерабатывали в своей душе нечто такое, что было в них сплошь душевным содержанием, сплошь действием "я" в "я", но что сперва было внесено в эти души в священных храмовых центрах высокими существами. Потому таким непостижимо глубоким, таким непостижимо великим является то, что живет в произведениях Гомера, в произведениях Эсхила. Только не следует брать эти произведения Эсхила в переводах Виламовица. Надо понять, что все величие того, что жило в Эсхиле, еще не

исчерпано ни в одном из современных языков и что худший путь к пониманию Эсхила тот, которым шел один из новейших переводчиков.

Предчувствие сущности греческой культуры мы можем получить, рассматривая эту греческую культуру на основании глубоких мистериальных святынь. И оттого, что тайны жизни сверхчувственного мира некоторым человеческим способом передавались греческим художникам, греческая пластика могла воплотить в мрамор или бронзу то, что было первоначально тайной храмов. Да и то, что выступает перед нами в греческой философии, ясно показывает нам, что лучшее, что эта греческая философия могла дать, была лишь перенесенная в интеллект, в понимание рассудком древняя мудрость мистерий. Нечто в этом роде символически выражается, когда нам говорится, что великий *Гераклит* принес в дар храму Дианы Эфесской свой труд о природе. Это значит не что иное, как следующее: то, что он мог сказать, исходя из собственной деятельности "я" в "я", он изложил так, что он должен был принести это в жертву духовным, спиритуальным силам предшествовавшей эпохи, о своей связи с которыми он знал. И с такой точки зрения мы поймем глубокое изречение Платона, который дал грекам столь глубокую философию и тем не менее был вынужден сказать, что вся философия его времени ничто перед древней мудростью, которая была получена предками еще из царств духовных миров. А у Аристотеля все является нам как бы в логической форме, и в этом случае можно только сказать: абстрагированное достояние древней мудрости, переведенные в понятия целые живые миры. Несмотря на то, что Аристотель стоит, так сказать, у последних врат древнего потока, в Аристотеле еще дышит нечто из того, что было достоянием древней мудрости. В его понятиях, в его идеях, хотя они и абстрактны, еще можно различить отголосок тех совершенных звучаний, что раздавались из храмов и по-настоящему инспирировали не только греческую мудрость, но и греческое искусство, весь греческий народный характер. Ибо это и есть особенность каждой такой восходящей культуры, что она охватывает не только знание, не только искусство, но и всего человека, так что весь человек является выражением того, что как мудрость, как духовное живет в нем. И если мы представим себе, как из неведомых глубин,- пока вавилонская культура еще только отливает,- поднимается греческая культура, тогда мы сможем понять полное действие всего того, что древние храмы дали греческому характеру в эпоху войн с персами. Ибо мы видим в этих войнах с персами, как герои Греции, пламенно воодушевленные всем тем, что они получили от своих отцов, бросаются против потока, который, так сказать, как течение упадочного Востока несет на них. И то, что означает этот тогдашний отпор греков, когда мудрость греческих храмов, когда учителя древних греческих мистерий в душах героев войн с персами боролись против отливающей культуры Востока, против вавилонской культуры в том виде, какой переняли ее позднейшие персы,- то, что это означает, охватить это, мои дорогие друзья, человеческая душа может только тогда, когда эта душа поставит себе вопрос: что должно было бы стать с Южной Европой и вместе с тем и со всей позднейшей Европой, если бы маленький народ Греции не отразил тогда натиск больших физических масс с Востока?

Тем, что совершили тогда греки, было заложено зерно всего позднейшего, что развивалось в европейской культуре вплоть до наших дней. И даже то, что на Востоке развилось из того, что затем обратно с Запада на Восток,- хотя и таким способом, который в определенном отношении не может быть оправдан,- принес Александр, даже это могло развиваться только после того, как обреченное на упадок - даже в отношении своей физической силы - было отброшено тем, что в душах греков жило как пламенный энтузиазм в отношении сокровищ храмов. Если мы поймем это, то мы увидим, как в последующем действовали не только учение Гераклита об огне, великие идеи Анаксагора, всеобъемлющие идеи Фалеса, но и подлинные учения хранителей храмовой мудрости в доисторической Греции. Мы будем ощущать это как достижение духовных властей, которые принесли Греции то, что ей должно было быть принесено. Мы почувствуем все это в душах греческих героев, противостоявших в разных битвах персам. Так нужно учиться чувствовать историю, мои дорогие друзья, потому, что то, что нам дается обыкновенно как история, есть только пустая идейная абстракция, и то в лучшем случае. То, что действует в более позднем из более раннего, можно наблюдать только тогда, когда возвращаешься к тому, что, быть может, в течение тысячелетий давалось человеческим душам и что затем в определенное время приняло реальные формы. В чем же была причина того, что при этом подъеме древние сокровища храмов могли дать столь великое грекам? Это заключалось в универсальном, во всеобъемлющем, ничем иным не затронутым характере этих сокровищ храмов. Это было нечто, что было дано как изначальное, что могло наполнить всего человека, что обладало, так сказать, непосредственно направляющей силой.

И тут мы приходим, мои дорогие друзья, к самому существенному для тех культур, которые находятся в состоянии подъема к своей высшей точке. В этих культурах все, что, будучи живым, действует в человеке,- красота, добродетель, полезное, целесообразное, все, что человек хочет совершить и реализовать в жизни,- все видится возникающим непосредственно из мудрости, из духовного. И мудрость содержит в себе добродетель, красоту, все остальное. Когда человек проникнут, инспирирован мудростью храмов, тогда все остальное получается само собой; таким в восходящие эпохи бывает чувство. А в моменты, когда вопросы, когда ощущения разделяются, когда, например, вопрос о добре или о прекрасном становится самостоятельным по отношению к вопросу о божественной Праоснове, тогда начинаются времена упадка. Поэтому, если подчеркивается, что наряду с исконно духовным надлежит особенно заботиться о том или ином, что то или иное и есть главное, мы можем быть уверены, что мы живем во времена упадка. Когда нет доверия к духовному, к тому, что оно может породить из себя все необходимое для человеческой жизни, тогда единые культурные потоки, которые при

подъеме образуют единство, разделяются на отдельные течения. И мы видим это, когда к греческой жизни примешиваются интересы, выходящие за пределы мудрости, за пределы духовного воодушевления; мы видим это в государственной жизни, мы видим это также в той части греческой жизни, которая нас особенно интересует, в духовной жизни непосредственно после Аристотеля. Тогда, рядом с вопросом "что истинно?", в котором заключен вопрос "что есть добро? что есть целесообразное?", последний вопрос начинает становиться самостоятельным. Тогда спрашивают: "каким наше знание должно быть, чтобы можно было стать человеком, который достигает практической цели в жизни?". И мы видим, как в эпоху упадка развивается течение, которое мы называем стоицизмом. У Платона и у Аристотеля в мудрости заключалось вместе и добро; всякий порыв к добру мог возникнуть только из мудрости. Стоики спрашивают, что человек должен делать, чтобы стать для жизни, для житейской практики человеком мудрым, целесообразно и правильно живущим. Практические жизненные цели примешиваются к тому, что было некогда универсальной воодушевленностью истиной. В эпикуреизм примешивается еще нечто, проявляющееся в том, что люди спрашивают: как следует мне устроиться интеллектуально, чтобы эта жизнь протекала возможно более отраднo, внутренне гармонично? На этот вопрос Фалес, Платон, вплоть до Аристотеля, ответили бы: ищи истину, и она даст тебе величайшее блаженство, зерно всякой любви. Но теперь этот вопрос отделяют от вопроса об истине, и возникает течение упадка. Таково то, что называют стоицизмом и эпикуреизмом, - это течение упадка.

Своим следствием это всегда имеет то, что истина становится сомнительной для людей, что она теряет всякую силу. Поэтому одновременно со стоицизмом и эпикуреизмом выступает в эпоху упадка и скептицизм, склонность к сомнению в истине. И если скептицизм, склонность к сомнению, стоицизм и эпикуреизм некоторое время поработали, то человек, который все же стремится к истине, чувствует себя, так сказать, выкинутым из мировой души и отброшенным в свою собственную душу. Тогда он оглядывается вокруг и говорит: теперь не та мировая эпоха, когда в человечество, благодаря непрестанно действующему потоку самих духовных сил, втекают импульсы. Тогда человек отвлечен своей собственной внутренней жизнью, своим субъектом. Это встречает нас в дальнейшем протекании греческой жизни в неоплатонизме, в той философии, которая больше не имеет связи с внешней жизнью, которая смотрит внутрь себя и в мистическом восхождении отдельного человека устремлена к истинному. Так имеем мы восходящую, так имеем мы нисходящую ступенеобразно культуру. И то, что выработалось во время подъема, расплывается и исчезает медленно и постепенно, пока с приближением 1250 года не начинается, конечно, не легко заметная, но оттого не менее великая инспирация человечества, которую в некотором отношении я охарактеризовал вчера, и отлив которой теперь мы имеем с XVI века. Ибо с этого времени, в сущности, вновь, наряду с вопросом об истине, выступают все специальные вопросы; тогда опять устанавливается точка зрения, которая вопрос о добре, вопрос о внешне-целесообразном хочет отделить от одного великого вопроса об истине.

И в то время, как духовно ведущие личности, которые находились под влиянием импульсов 1250 года, усматривали все человеческие устремления (Stromungen) в пределах [поиска] истины, теперь мы видим, как в самом значительном смысле наступает принципиальное отделение практических вопросов жизни от собственно вопросов об истине. И у врат эпохи нового упадка, той эпохи, которая означает для духовной жизни устремление вниз, у врат этой эпохи стоит Кант. В своем предисловии ко второму изданию "Критики чистого разума" он определенно говорит, что должен был указать стремлению к истине на его границы, чтобы освободить место для того, чего хочет практическая религия. И отсюда такое строгое разделение практического разума и теоретического разума. В практическом разуме постулаты Бога, свободы, бессмертия сведены целиком к добру; в теоретическом разуме - разрушение всякой возможности для познания попасть в какой-либо духовный мир. Так устанавливаются вещи в мировой истории. И, конечно, стремление нашего времени к истине еще долго будет блуждать по следам Канта. А когда со стороны нашего действительно спиритуального течения указывается на расширение способности познания, на то поднятие способности познания над самой собой, благодаря которому познание может проникнуть в сверхчувственные миры, тогда можно будет еще долго-долго слышать со всех сторон: "Да, но Кант говорит...". В таких антитезах действительно проходит историческое развитие человека. А в том, что инстинктивно выступает как предчувствие, обнаруживается, что под тем, что есть только майя, но что принимается за истину, что под этим потоком майи течет для человеческого инстинкта все-таки по большей части правильное. Ибо чрезвычайно интересно, что и нисходящий ход человеческого развития вплоть до греко-латинской эпохи, и поддерживаемое нами новое восхождение мы видим в некоторых предчувствиях, которые, исходя из народных инстинктов, давались практической жизни.

Как же должны были мыслить люди, которые это чувствовали? Когда они оглядывались на великие ведущие фигуры человеческой истории в дохристианскую эпоху или, лучше скажем, в догреческую эпоху, как должны были смотреть они на всех тех, кого мы характеризовали как орудия существ высших иерархий? Даже греки еще должны были говорить себе: "к нам пришло это через людей, в которых вливались сверхчеловеческие божественные силы". И мы видим, что в сознании всех древних эпох живет это: ведущие личности вплоть до фигур героев, вплоть даже до Платона, считались сынами богов; это значит, что позади личностей, которые выступают в истории, люди видели божественное, если они обращали взгляд в глубокое прошлое, если они обращали взгляд все дальше и дальше; а то, что выступает в Платоне и в фигурах героев, они видели это опустившимся [на землю] и даже рожденным от божественных существ. Тогда представляли себе, что сыны

богов сочетались с дочерьми человеческими, чтобы довести духовное до физического плана. Сынов богов, бого-человеков, то есть таких, которые были связаны своим существом с божественным, видели люди в эти древние времена. Наоборот, в тот момент, когда греки почувствовали, что теперь они могут говорить о действии "я" в "я", о том, что заключено в пределах человеческой личности, они стали говорить о своих высших водителях как о семи мудрецах, обозначая этим то, что стало из сынов богов чисто человеческим.

Чем это должно было стать далее в послегреческое время в инстинкте народов? Тогда надо было изображать то, что человек вырабатывал тут на физическом плане, и то, как он возносил это вместе со всеми своими плодами в духовный мир. Итак, если ранее ощущали: необходимо видеть духовное раньше физического, а физического человека - как тень его; если в греческую эпоху мудрецов видели живущими, так сказать, как "я" в "я", то в послегреческую эпоху необходимо было видеть личностей, которые живут на физическом плане и уже затем вживаются в духовное посредством того, что живет в физическом. Это понятие развилось из некоторого инстинктивного знания. Как догреческая эпоха имела сынов богов, а греки - мудрецов, так послегреческие народы имеют святых, которые поднимаются к духовной жизни через то, чего они добиваются на физическом плане. Здесь в народном инстинкте живет нечто, и мы можем видеть тут, как за майей находится нечто такое, что исторически все-таки движет человечество вперед.

И если мы поймем это, мои дорогие друзья, тогда то, что живет в этих эпохах, будет светить в отдельной человеческой душе, и мы поймем, как групповая карма должна модифицироваться благодаря тому, что люди являются в то же время и орудиями хода исторического развития. И тогда мы сможем понять, если Хроника Акаши показывает, что в *Новалисе*, например, нам надлежит видеть нечто восходящее к древнему *Илии*. Это чрезвычайно интересная последовательность инкарнаций. Здесь мы видим, как в Илии всплывает пророческий элемент, ибо евреи имели миссией подготовить то, что должно было прийти позднее. Они подготавливали это посредством перехода от патриархов к пророкам, через фигуру Моисея. В то время как в Аврааме мы еще видим, что израильтянин чувствует действие Бога в себе, в своей крови, в Илии мы видим переход к восхищенности в духовные миры.

Все подготавливается постепенно. В Илии живет индивидуальность, которая уже в древние времена исполняется тем, что должно прийти в будущем. Затем мы видим, что эта индивидуальность должна служить орудием подготовки понимания Импульса Христа. Мы видим, что индивидуальность Илии вновь рождается в *Иоанне Крестителе*. Он есть орудие высшего. В нем живет индивидуальность, делающая орудием Иоанна Крестителя; но необходима была высокая индивидуальность Илии, чтобы затем служить таким орудием.

Позднее мы видим, что эта индивидуальность оказалась пригодной для того, чтобы в формы, которые были возможны только под влиянием четвертого послепалеолитического культурного периода, влить то, что должно было действовать в будущем. Каким бы удивительным нам это ни показалось, эта индивидуальность появляется вновь в *Рафаэле* и соединяет в живописи то, что во все времена должно действовать как христианский импульс, с чудесными формами Греции. И здесь мы можем понять, как относится индивидуальная карма этой энтелехии к внешней инкарнации. От внешнего воплощения требуется, чтобы в Рафаэле могла высказаться некоторая сила того времени; для этой силы времени пригодна индивидуальность Илии-Иоанна. Но эпоха может дать такой силе только хрупкое физическое тело, потому Рафаэль умирает так рано.

Другую сторону своего существа эта индивидуальность должна выявить в такое время, когда отдельные течения уже опять разошлись. Там она появляется вновь как *Новалис*. Мы видим тогда, что в *Новалисе* в своеобразном облике уже действительно живет все то, что дается нам теперь духовной наукой. Ибо такие меткие суждения об отношении астрального к эфирному и физическому телу, о бодрствовании и сне не давались, за исключением духовной науки, никем, кроме *Новалиса*, вновь восставшего *Рафаэля*. Все это вещи, которые указывают нам, что индивидуальности - это орудия быстро текущего потока развития человечества. И глядя на человеческое развитие, глядя на эту загадочную смену того, что свершается в истории, мы можем предощутить, что живет в нем из глубоких спиритуальных сил.

Примечательным образом переходит более раннее в более позднее. Некоторым из вас я уже говорил, что можно констатировать удивительную историческую перспективу в переходе от *Микельанджело* к *Галилею*. И один очень умный человек, -заметьте, я не говорю, что здесь дело идет о реинкарнации, здесь движение истории, - одна очень умная личность обратила внимание на то, сколь все-таки удивительно, что при взгляде на чудесную архитектуру собора св. Петра мы видим, как человеческий дух [уже] внес в нее то, что он называет наукой о механике. О, в этих грандиозных формах собора св. Петра, мои дорогие друзья, мы видим воплощенными идеи механики, которые мог объять человеческий разум, к тому же еще перенесенными в прекрасное, в величественное - идеи *Микельанджело*! Как может действовать вид собора св. Петра, мои дорогие друзья, это выступает в разнообразнейших описаниях и, может быть, каждый хоть немного пережил то, что пережил венский скульптор *Наттер* или что было пережито с ним. Он ехал к собору св. Петра с одним другом, они еще не видели собора; но вдруг его друг слышит, как *Наттер* вне себя, вскочив со своего места, говорит: "мне страшно", потому что в эту минуту он увидел собор св. Петра. Потом он совсем не мог вспомнить об этом. А ведь нечто подобное может пережить, в конце концов, каждый, если он видит что-либо столь грандиозное. И вот, один очень умный человек, профессор *Мюльнер*, в ректорской речи обратил внимание на то, что великий создатель идей механики, *Галилей*, интеллектуально учил человечество тому, что [уже] вложил в построение пространственных форм

собора св. Петра Микельанджело. Так что в идеях Галилея перед нами интеллектуально встает то, что как механика, как человеческая механика выкристаллизовано в соборе св. Петра. Но при этом удивительно, что тот же человек в этой лекции обратил внимание на то, что день смерти Микельанджело был днем рождения Галилея. Это значит, что интеллектуальные, идеи, которые Галилей выразил интеллектуально как механику, всплыли в личности, родившейся в день смерти того, кто внес их в пространство. Итак, надо было бы спросить: кто построил через Микельанджело в собор св. Петра механику, полученную человечеством лишь впоследствии через Галилея?

Если, мои дорогие друзья, через эти афористические и разрозненные мысли, изложенные здесь в применении к историческому развитию человечества, если через них в их совокупности в ваших сердцах возникнет чувство того, как подлинные, реальные духовные силы действуют в истории посредством своих орудий, то тогда вы правильным образом восприняли изложенное. И тогда это чувство можно было бы назвать верным, исходящим из оккультно-исторического рассмотрения, чувством становления во времени, движения вперед во времени, которое может возникнуть в наших сердцах. И сегодня, у одного из малых поворотных пунктов времени, да будет уместно направить медитацию на такое чувство человеческого и божественного поступательного движения во времени. И если сердце каждого из вас, мои дорогие друзья, захотело бы принять в ощущение это чувство претворения науки об оккультном поступательном движении во времени, приняв его ради участия в развитии, в человеческом поступательном движении вперед, в которое мы включены, если бы душа каждого из вас захотела принять это как живое чувство, то в этом чувстве могло бы жить в душах всех вас пожелание на Новый год.

Это новогоднее пожелание я хотел бы погрузить в ваши души в заключение этого цикла. Смотрите на то, о чем здесь говорилось, как на нечто, что должно послужить исходным пунктом для [развития] чувства времени. И в определенном смысле пусть будет символом то, что в малом переход от одного отрезка времени к другому мы могли употребить на то, чтобы идеям, которые охватывают такие переходы во времени, дать действовать в наших душах.

Примечания

Настоящее, первое в русском переводе издание "Оккультной истории" подготовлено на основе вышедшего в Дорнахе/Швейцария пятого немецкого издания 1992 г. Последнее, как и предшествующие издания данного цикла лекций Рудольфа Штайнера, следует тексту первого издания 1911/1912 г., так как стенограммы или записи слушателей курса, которые издателям Полн. собр. соч. Рудольфа Штайнера (ПСС) служат обыкновенно для сверки текста, не сохранились. Подзаголовком "События и лица мировой истории в свете духовной науки" снабжено было осуществленное М. Я. Сиверс-Штайнер издание 1925 г. Перевод выполнен при издательстве "Дамаск" С. -Петербурге привлечением имевшего хождение в антропософских кругах России перевода, стилистически принадлежащего 10-м - 20-м годам XX в. Справочный аппарат дорнахского издания "Оккультной истории" 1992 г. вошел с небольшими изменениями в примечания к тексту настоящего издания. Они, по сравнению с дорнахскими, несколько расширены за счет более подробного комментирования отдельных мест лекций. Биографические сведения о лицах, широко известных в истории культуры, ограничиваются указаниями дат жизни. К лекциям, не издававшимся в России по настоящее время, отсылки даются на тома в составе Rudolf Steiner Gesamtausgabe (GA...).

К стр.

1 *Сегодня, в лекции на праздновании Рождества* – в тот день в Штутгарте была прочитана лекция под названием: "Праздник зимнего солнцестояния, символы Рождества Христова и созвучие антропософского строя мысли с общемировым строем" (GA 125).

2 ... *вплоть до героической эпохи* - греческие герои (Геракл, Тесей и др.), прославившиеся легендарными подвигами (ими отмечено прохождение по ступеням посвящения в мистериях), определили характер эпохи, окончившейся с выходом греков на арену истории ко времени Троянской войны (1194-1184 до Р. Х.).

3... *кто может судить о таких вещах, по имени поймет* - имя *Гильгамеш* переводится как "бог - владыка огня".

4 *Эрек* – так назван в Библии город Гильгамеша (Быт. 10, 10) (*Урук* - в клинописных текстах). Эрек-Урук был большим городом, обнесенным при Гильгамеше (ок. 2700 до Р. Х.) стеной протяженностью в 10 км; с ним соперничал город Киш, с которым Гильгамеш воевал.

5 *Эбани* - старое прочтение имени друга Гильгамеша, в настоящее время читается как *Энкиду*.

6 *Кисуфр* – греческая форма шумерского имени Зиусудра ("Нашедший жизнь далеких дней"); в аккадской версии эпоса - Утнапиштим (также - Ной в Библии, Ману - в индуистской традиции).

7 ... *бого-человека Гильгамеша* - о Гильгамеше говорится в эпосе: "На две трети он бог, на одну - человек он". (Эпос о Гильгамеше. Пер. с аккад. И. М. Дьяконова. Табл. IX, II, 16. М. -Л., 1961. С. 58).

8 ... *наполовину мифическая фигура Герострата* - в издании 1925 г.: *наполовину мистическая...*

9... *целиком личность* - Рудольф Штайнер проводит различие между понятиями *личность* (Personlichkeit) и *индивидуальность* (Individualitat). Установившиеся уже в Новое время они восходят к латинскому

словоупотреблению, и в западноевропейских языках соответствующие слова содержат латинскую основу. Современный антиковед Г. С. Кнабе определяет различие между двумя понятиями следующим образом: "... фр. *personne* (и в еще более отчетливой форме *personnalite*), англ. *personality* означают именно личность в аспекте ее общественных проявлений и достижений. Вся эта семья слов восходит к латинскому слову этрусского происхождения *persona*, изначально означавшему "маска актера", "личина", "совокупность внешних общественных проявлений человека..."

Слово "индивидуальность" состоит из основы латинского глагола *divido* ("разделяю") и отрицательного префикса *in* и этимологизируется, таким образом, как "не-раздельность", т. е. неподдающееся дальнейшему делению ядро, остающееся после всех внешних манифестаций и характеризующее человека в его неповторимости, интимной сущности" (Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 10).

10 *Ферекид из Сирова* (ок. 584-499 до Р. Х.) - современник "семи мудрецов", ученик Питтака и учитель Пифагора. См. о нем: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Кн. I, II. Пер. М. Гаспарова. Изд. 2-е. М., 1986. Об учении Ферекида см. лекцию Рудольфа Штайнера от 26 августа 1909 г., GA 113.

11 *Гипатия* (Ипатия) (ок. 380-415) - философ и математик, глава неоплатонической школы в Александрии на рубеже IV-V вв. См. о ней: Сократ Схоластик. Церковная история. Кн. VII, гл. 15. М., РОССПЭН, 1996.

12 *Лессинг Готхольд Эфраим* (1729-1781) - немецкий мыслитель, драматург и художественный критик. Рудольф Штайнер имеет в виду заключительный пассаж его "Воспитания человеческого рода" (1780):

"... Тот путь, которым человеческий род движется к своему совершенству, должен сначала пройти каждый человек (один раньше, другой позже).

"Пройти в течение одной жизни? Разве может человек в течение одной жизни быть чувственно воспринимающим евреем и живущим в духе христианином? Разве может он в течение одной жизни выйти за пределы того и другого?"

Нет, конечно, не может! Но почему бы каждому человеку не пребывать в этом мире больше одного раза?

И не потому ли столь смешна эта гипотеза, что она самая древняя? Не потому ли, что рассудок человека сразу же обрел ее, до того как школьная софистика внесла в него рассеянность и слабость?

Почему не предположить, что и я сделал здесь однажды все те шаги к своему совершенствованию, которые могут совершить люди ради земных наказаний и наград?

А в другой раз все те, совершить которые так помогает нам надежда на вечное воздаяние?

И почему бы мне не возвращаться столько раз, сколько мне предназначено для того, чтобы обрести новые знания и новые навыки? Разве я сразу же уношу с собой столько, что возвращаться, пожалуй, и не стоит труда?

Потому ли? Или потому, что я забываю о своем прежнем пребывании здесь? Благо мне, если я об этом забываю. Воспоминание о моей прежней жизни лишь воспрепятствовало бы мне должным образом пользоваться настоящей. И разве то, что я *должен* забыть теперь, забыто мною навек?

Или потому, что тем самым я потерял бы слишком много времени? Потерял? Но что же я могу упустить? Разве мне не дана вечность?"

(Ежегодник Философского общества СССР. 1989— 1990. Человек и человечество: духовные традиции и перспективы. М., Наука, 1990. С. 263-264).

13 *Гebbель Фридрих* (1813-1863) - немецкий поэт и драматург. Цитируемая Рудольфом Штайнером дневниковая запись Геббеля гласит в переводе: "Согласно учению о переселении душ, возможно, что Платон опять сидит за партой и терпит побои за то, что не понимает Платона" (Фридрих Геббель. Избранное. В 2-х т. Т. 2. Пер. с нем. М., Искусство, 1978. С. 459).

14 *Орлеанская Дева* - Жанна д'Арк (ок. 1410-1431), героиня Столетней войны между Англией и Францией (1339-1453), завершившейся (в значительной мере благодаря ее выступлению) изгнанием англичан из Франции и территориальным размежеванием двух стран.

14 *Франс Анатолий* (1844-1924). Рудольф Штайнер имеет в виду книгу А. Франса "Жизнь Жанны д'Арк".

15 *Гфрёрер Август Фридрих* (1803-1861).

16 *Письмо Персиваля*, владельца Бонламиулька от 21 июня 1429 г. приводится по книге Гфрёрера "Geschichte des Urchristentum", III Hauptteil, Stuttgart, 1838. S. 286.

17 *"Кровь — совсем особый сок"* - цитата из "Фауста" Гете, вынесенная в заголовок лекции Рудольфа Штайнера в Берлине от 25 октября 1906 г. (издана отдельно в 1907 г., GA 55).

18... *внутреннее странствие его души* - согласно лекции Рудольфа Штайнера от 28 декабря 1923 г.

(GA 233), Гильгамеш проделал все-таки дальний путь, чтобы состоялось это внутреннее странствие души: мистерия, в которой он получил своего рода эквивалент посвящения, находилась, по указанию Штайнера, далеко от родины героя - в области Бургенланд на юго-востоке совр. Австрии.

19 *Эти вещи известны из цикла лекций об Апокалипсисе* - "Апокалипсис Иоанна", цикл из двенадцати лекций и одной вводной лекции был прочитан в Нюрнберге 17-30 июня 1908 г. (ПСС т. 104).

20 *Гипатия... была воплощена вновь в XIII веке* - на это высказывание о более поздней инкарнации Гипатии бросает особый свет запись, сделанная рукой Рудольфа Штайнера в его записной книжке (арх. номер 523), где среди помет, явно относящихся к реинкарнациям, рядом с именем Гипатии поставлено имя Альберта Великого

(1193-1280). - Из примечаний к дорнахскому изданию 1992 г.

21 *Блаватская Елена Петровна* (1831-1891). Выдержка из "Тайной доктрины" приведена в лекции по немецкому лейпцигскому изданию (без указания года). Соответствующее место в русском издании "Тайной доктрины" см.: Том III. Отдел XLI. Учение об аватарах (М., 1993. С. 344-345).

22 *Инкарнация, которая лежит в промежутке между личностью Эбани и Аристотеля* - здесь только упомянутая промежуточная инкарнация раскрыта в книге Маргареты и Эриха Кирхнер-Бокхольт "Die Menschheitsaufgabe Rudolf Steiners und Ita Wegman" (Dornach/Schweiz, 1976. S. 25-26): основываясь на частных высказываниях Р. Штайнера, авторы книги называют философа *Кратила*, ученика Гераклита Эфесского. О Кратиле известно также, что он был афинянином и учителем Платона.

23 ... *не много было бы потеряно, если бы...* - Скептическое отношение к библиотечным книжным собраниям было свойственно, например, и Гете, одно из высказываний которого на этот счет, приведенное Эккерманом, по всему своему духу могло бы принадлежать и Рудольфу Штайнеру: "Заблуждения хранятся в библиотеках, истина живет в человеческом духе. Одна книга порождает другую, и так до бесконечности, духу же отраднее соприкосновение с вечно живыми празаконами, ибо ему дано постичь простейшее, распутывать запутанное и прояснять для себя темное" (Иоганн Петер Эккерман. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Пер. с нем. Н. Ман. М., Худож. литература, 1986. С. 375).

24 *Аристотель открывал древнюю тайну мистерий...* - см. трактат Аристотеля "Об искусстве поэзии" (М., 1957. С. 56).

25 ... *благодаря дешифровке клинописи* - использовавшееся шумерами с IV тыс. до Р. Х. письмо, знаки которого имели вид клиньев, дешифровано Г. -Ф. Гротендомом в 1802 г.

26 ... *вавилонское столпотворение* - см.: Быт. 11: 1-9.

27... *в древнем Вавилоне существовало изречение* - ср.: Винклер Гуго. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. Пер. с нем. М., 1913. С. 65.

28 ... *один из учеников Флисса* - Рудольф Штайнер цитирует книгу Ганса Шлипера "Der Rhythmus des Lebendigen". Jena, 1909. S. 7.

29 *Юлиан Апостата (Отступник)* (331-363) - римский император (361-363), сделавший попытку восстановления старых римских культов в империи в отступление от христианства, при Константине Великом, занявшего место старой римской государственной религии. Убит во время персидского похода в 363 г.

30 ... *тщеславного и мстительного императора* - в дорнахском издании "Оккультной истории" 1992 г. здесь добавлено имя императора Константина Великого, в издании 1925 г. отсутствующее. Между тем стенограммой данного цикла лекций, необходимой для внесения коррективов в текст, дорнахские издатели не располагают. В лекции же имеется в виду явно император Констанций II (337-361), сын и преемник Константина Великого, утвердившийся на престоле отца по устранении своих дядей и гибели братьев. Его бездетность послужила причиной того, что наследниками престола при его жизни считались племянники, старший Галл и Юлиан. Но и Галл по приказанию Констанция был убит (354 г.), Юлиан же, назначенный в 355 г. наместником Галлии, был в 361 г. провозглашен армией императором. Констанций двинулся было с войском против племянника, но скончался в пути, и Юлиан занял освободившийся трон.

31 *Элевсинские мистерии* - священные празднества в честь богини Деметры и ее дочери Персефоны, справлявшиеся ежегодно в местечке Элевсин в 22 км к западу от Афин как часть афинского общегражданского культа. "С праздником были связаны и посвящения. Символическое изображение мировой и человеческой драмы составляло заключительный акт совершаемых здесь посвящений в мисты" (Рудольф Штайнер. Христианство как мистический факт и мистерии древности. Пер. с нем. Изд. 2-е. М., Духовное знание, 1917. С. 68. Ср. также: Лауэнштайн Дитер. Элевсинские мистерии. Пер. с нем. М., Энигма, 1996).

32 *Заратустра* (авест. Заратуштра, греч. Зороастр) - учредитель первой религии Откровения и основатель древнеперсидской культуры, развившейся на Иранском нагорье в эпоху Ближнецов (согласно счету послеатлантических культурных эпох - в 5067-2907 гг. до Р. Х.). По данным исследования Рудольфа Штайнера, существовало семь Заратустр. "Тот Заратустра, о котором обычно идет речь, - седьмой. Он - инкарнация всех предыдущих Заратустр" (Рудольф Штайнер. Материалы эзотерической школы. ПСС 264. Ереван, Anthropos, 2004. С. 399). В истории известен последний в их ряду под именем Заратоса/Назаратоса, действовавшего в Вавилоне в период так наз. "вавилонского пленения евреев" в VI в. до Р. Х.

33 *Амшаспанды* (новоперсид. от авест. Амэша Спэнта -Бессмертные Святые) - в учении Заратустры шесть божеств ближайшего окружения Ахура-Мазды. В гимнах Заратустры, Гатах Амшаспанды носят имена, соответствующие высоким добродетелям, почитавшимся в зороастрийском Иране:

Воху-Мана -Благой помысел Аша-Вахишта - Лучшая праведность Спэнта-Армаити - Святое благочестие Хшатра Ваирйа - Желанная власть Хаурватат - Целостность Амэрэат - Бессмертие.

(по кн.: Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Пер. с англ. М., Вост. литература. 1987. С. 32).

Удвоение числа Амшаспандов у Рудольфа Штайнера в пятой лекции "Оккультной истории", по сравнению с традицией Гат, нуждается в пояснении.

В ряде других лекций Рудольф Штайнер говорит, как и Гаты, также о шести Амшаспандах, но в лекции от 14 октября 1907 г. указывает на *удвоение их функций* в качестве правителей времени: "Этот род существ

группируется в шесть классов... Они именовались на разные лады, эти шесть главенствующих гениев астрального плана, золотого региона. Персидское тайноведение именует их Амшаспандами, оно говорит о шести Амшаспандах... Эти высокие духовные существа ведают силами окружающей нас природы и руководят ими. Великие силы бытия - свет, воздух, тепло, электричество, также великие химические силы, пронизывающие мир, - все они являются внешним выражением деятельности Амшаспандов и их отрядов (Scharen)... Осуществляя руководство природными процессами, Амшаспанды сменяют друг друга на протяжении шести месяцев из месяца в месяц. Это связано с движением солнца по двенадцати зодиакальным созвездиям. Очередь одного из Амшаспандов наступает вновь спустя каждые шесть месяцев, так что одно время правления Амшаспандов мы имеем в летние месяцы, другое - в зимние. Один Амшаспанд должен дважды по одному месяцу действовать в течение года, а в пределах этого правления чередуются Изады, чередуются в точности с изменениями вида Луны" (GA 101, 1987. S. 32-39). Однако в пятой лекции "Оккультной истории" речь идет все-таки о двенадцатеричности самих Амшаспандов, а не только их функций. Проблема снимается благодаря оговорке, сделанной Рудольфом Штайнером по поводу Амшаспандов в лекции от 31 января 1913 г.: "Своей шестеричностью, а если мы добавим их антиподов, то своей двенадцатеричностью они вносят порядок в Изадов, стоящих ведь ниже Амшаспандов..." (GA 149, 1992. S. 63). Сопоставление этого замечания с выдержкой из лекции от 10 октября 1907 г., приведенной выше, позволяет заключить, что "антиподы" шести Амшаспандов, то есть духовные существа, которых противник Ахура Мазды Ариман противопоставил Бессмертным Святым, правят темной стороной года, но под верховным контролем Амшаспандов, окружающих Ахура-Мазду.

34 *Изады* (в изд. 1925 г. Изадады) - от авест. *язаты* ("достойные почитания").

116 *1250 год* - о значении этого года см. также лекцию в Кельне от 21 января 1911 г. (GA 130).

117 *Агриппа* (собств. Генрих Корнелий) *Немтесгеймский* (1486-1535) - автор трактата "О сокровенной философии" и др. сочинений, человек большой учености, разносторонних интересов и занятий.

117... *крестовые походы* — несколько волн мощных военных экспедиций Запада, предпринятых с кон. XI века для освобождения Святой Земли от нахлынувших туда турок-сельджуков. Последний из крестовых походов, восьмой был организован в 1270 г.

119 *Николай Кузанский* (1401-1464) - выдающийся мыслитель и церковный деятель конца Средневековья, кардинал (1448), автор трудов, оказавших значительное влияние на философскую мысль Запада XVI-XVII вв. На существование связи между инкарнациями Николая Кузанского и Николая Коперника указала Е. П. Блаватская (См.: Тайная Доктрина. Т. III. М., 1993. С. 341-342). Как будто в том же смысле выказывается Рудольф Штайнер в "Оккультной истории". Однако годом ранее в представлении о прямом и полном перевоплощении

Кузанца в Коперника он внес существенный корректив: "Действительно, душевное тело Кузанца было перенесено на Коперника, хотя "я" Коперника было совсем другим, чем "я" Кузанца" (Гейдельберг, 21 января 1909 г. GA 109/111, 1979. S. 16-17).

120... *к другому течению* - подразумевается духовное течение преемника Готамы Будды, будущего Будды-Майтрейи, в задачу которого на пути к его завершающей инкарнации в середине IV тыс. входит возвешение о начавшемся в XX столетии новом явлении Христа на эфирном уровне. См. об этом подробнее: Rudolf Steiner. Das Ereignis der Christus-Erscheinung in der atherischen Welt (GA 118).

120... *драма-мистерия "Врата посвящения"* - первая из четырех драм-мистерий Рудольфа Штайнера (1910).

122 *Оберлин Иоганн Фридрих* (1740-1826) - деревенский пастор, филантроп, мистик.

122 *Шуберт Готхильф Генрих, фон* (1780-1860), его книга об Оберлине вышла в свет в 1832 г.

123 Роман *Фридриха Линхарда "Оберлин"* вышел в свет в 1-м немецком издании в 1910 г.

127 *Эсхил* (525-456 до Р. Х.).

128 *Виламовиц-Меллендорф Ульрих, фон* (1848—1931) -известный немецкий филолог-классик; имеются в виду выполненные им переводы греческих трагедий.

128 *Гераклит* (ок. 544 - ок. 483 до Р. Х.).

129 ... *войны с персами* - так наз. греко-персидские войны пришлось на первую половину V в. до Р. Х.

130 *Анаксагор* (ок. 500-428 до Р. Х.).

134 *Кант... определенно говорит* - см.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3, М., 1964. С. 95.

136 *Илия - Иоанн Креститель - Рафаэль - Новалис* -см. об этом ряде инкарнаций в лекциях от 2 мая 1912 г. (GA 133), 17 сентября 1912 г. (GA 139), а также так наз. "Последнее обращение" от 28 сентября 1924 г. (GA 238; в состав русского издания четвертого тома "Эзотерических рассмотрений кармических взаимосвязей" (М., Новалис, 2002) не вошло).

138 *Некоторым из вас я уже говорил* - см. лекцию от 17 ноября 1910 г. "Дух у человека и дух у животного" (GA 60).

138 *Микельанджело Буонаротти* (1475-1564).

138 *Галилей Галилео* (1564-1642).

139 *Наттер Генрих* (1846-1892).

139 *Ректорская речь* венского профессора *Лоренца Мюльнера* "Значение Галилея для философии" произнесена в 1894 г.

Санкт-Петербург
Издательство "Дамаск"
2004
ББК 86. 42 Ш87
СОДЕРЖАНИЕ

Штайнер Р. Оккультная история. Поли. собр. соч. т. 126. Пер. с нем., примеч. Г. А. Кавтарадзе. — СПб.: "Дамаск". — 2004 - 160 с.

Курс в составе шести лекций Рудольфа Штайнера демонстрирует подход основателя духовной науки к осмыслению движения истории в смене эпох. Лекции пронизывает идея развития человека и человечества. Фигуры исторических лиц рассматриваются в контексте их земных инкарнаций, а их судьба — как встречный пункт индивидуальной кармы и волн иерархических духовных существ, преследующих цели общечеловеческого развития.

Лекция I. *Штутгарт, 27 декабря 1910 г.*

Лекция II. *Штутгарт, 28 декабря 1910 г.*

Лекция III. *Штутгарт, 29 декабря 1910 г.*

Лекция IV. *Штутгарт, 30 декабря 1910 г.*

Лекция V. *Штутгарт, 31 декабря 1910 г.*

Лекция VI. *Штутгарт, 1 января 1911 г.*

Примечания

© Rudolf Steiner Verlag, 1992 ©Издательство "Дамаск", 2004 © Перевод Г. Л. Кавтарадзе
ISBN 3-7274-1260-7 ISBN 3-85119-012-5